

Предположение, согласно которому какие-то изменения текста, в том числе и мелкие, Пушкин мог держать в голове, не показывая их в автографе, убедительно до тех пор, пока речь идет о черновике небольшого стихотворения, рассматриваемом одиночно, абстрагируясь от других ему подобных своей запутанностью и содержащих, если верить редакторским сводкам, поэтические шедевры. Стоит представить себе общее число и массив таких черновики, оставленных Пушкиным без перебеления, как неизбежно встают вопросы: неужели Пушкин был так равнодушен к этим прекрасным творениям, что не удосужился привести в должный вид хотя бы самые трудноразборчивые из-за обильной правки черновики? или он настолько полагался на свою память, что доверял ей хранить немалое количество стихов из разных черновики, не давая себе труда хотя бы обозначить четкими условными значками основные перестановки, восстановления и пр.? или же на самом деле не существовало тех совершенных в поэтическом отношении стихотворных текстов, которые представляют редакторские сводки? не по этой ли как раз причине оставались черновики в том виде, какой они имеют? Ответ не может быть типологическим, он может быть только индивидуальным для каждого случая. Применительно к автографу «Я видел Азии бесплодные пределы...» для последних двух вопросов он утвердительный. Выразить кавказские впечатления стихами Пушкину и на этот раз не удалось. Они вырвались на бумагу лишь прозой — в письме к брату из Кишинева 24 сентября 1820 г., а в поэтическую форму облеклись уже много лет спустя в «Отрывках из Путешествия Онегина» (Акад. IV, 198–199).

О ТЕКСТЕ ПУШКИНСКОГО ПОСЛАНИЯ «ТЫ ПРАВ, МОЙ ДРУГ, НАПРАСНО Я ПРЕЗРЕЛ...»

Послание «Ты прав, мой друг, напрасно я презрел...» Пушкин писал в первой кишиневской тетради (ПД 831) на л. 56 об. — 58 и оставил в трудночитаемом черновике с обильной правкой. Выделение слоя, зафиксировавшего это незавершенное стихотворение в том его состоянии, в каком поэт прекратил над ним работать и более к нему не возвращался, растянулось на восемь с лишним десятилетий¹ — с 1855 до 1938 года, когда И. Н. Медведева опубликовала подготовленный ею текст,² который с небольшими изменениями вошел в академическое «Полное собрание сочинений» (Акад. II, 265–266) и с тех пор перепечатывается во всех изданиях.

Этот текст не есть точное воспроизведение написанного Пушкиным на указанных листах. Он претерпел существенное редакторское вмешательство в соответствии с одной из главных методологических установок академического «Полного собрания сочинений» извлекать из черновики как можно более цельные художественные стихотворные произведения. Для достижения этого эффекта в данном случае были исключены из текста (без обозначения его разрыва) и выведены в отдел вариантов записи (наброски строф, план продолжения стихот-

¹ История установления и публикации текста подробно прослежена в текстологической справке И. Н. Медведевой в Акад. II, 1118–1119. Ранее те же сведения были приведены в статье: *Медведева И. Н.* Пушкинская элегия 1820-х годов и «Демон» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. Т. 6. С. 54–55.

² *Медведева И. Н.* Два стихотворения Пушкина // Лит. газета. 1938. 8 февр.

ворения), находящиеся в тех местах, где стихи в последнем слое не сложились или к их сочинению Пушкин даже не приступал. С другой стороны, в текст были включены две строфы с л. 36 об., сочтенные принадлежащими к этому стихотворению, но для третьей оттуда же места в нем найдено не было и она ушла в отдел вариантов. Оставленные Пушкиным в стихах пустоты были заполнены либо конъектурными чтениями (в случаях, когда пробел существовал на всех стадиях работы над стихом), либо зачеркнутыми словами из предшествующих слоев текста.

Полученная таким образом сводка была признана, без досконального публичного критического обсуждения, одним из важных достижений академического «Полного собрания сочинений» А. С. Пушкина,³ хотя в ее обоснование не было приведено ни одного сколь-либо весомого аргумента. Всю ее доказательную базу составляет лишь категорическое заявление о том, что «анализ черновиков <...> дает возможность, кроме чтения отдельных стихов и восстановления строфы „Разоблачив пленительный кумир“, поставить на место и первую из отбившихся трех строф — „Красы лаис, заветные пиры“».⁴ В чем состоял этот анализ, не было раскрыто, а между тем на страницах «Временника Пушкинской комиссии» он был бы очень уместен, особенно потому что к этому времени (1941) академическое издание было волевым, директивным решением сверху лишено текстологического комментария. В исторической перспективе, по прошествии шести десятилетий, не совсем понятно единодушное принятие реконструкции И. Н. Медведевой ведущими пушкинистами того времени, блестящими текстологами и стиховедами, которые не могли не видеть, что выработанный исследовательницей текст сильно уязвим по многим пунктам. Коль скоро с их стороны не последовало ни-

³ См.: *Измайлов Н. В.* Текстология // Пушкин: Итоги и проблемы изучения / Под ред. Б. П. Городецкого и др. М.; Л., 1966. С. 585; *Домгерр Л. Л.* Из истории советского академического издания полного собрания сочинений Пушкина 1937–1949 гг.: Материалы и комментарии // Зап. русской академической группы в США. 1987. Т. 20. С. 306–309.

⁴ *Медведева И. Н.* Пушкинская элегия 1820-х годов... С. 54–55.

каких возражений и замечаний, ни общих, ни частных, остается думать, что принцип извлечения из черновика цельного поэтического текста они ставили выше текстологической точности, сознательно прибегая к субъективным догадкам и натяжкам там, где рукопись содержала несложившиеся стихи, которые автор то ли бросил навсегда в этом состоянии, то ли предполагал к ним еще вернуться, но по какой-то причине этого не сделал. Впрочем, возведенный в своего рода абсолюте, этот самый принцип мог, наверное, в какой-то мере застилать острый и тонкий, во всем остальном, текстологический взор, скрывая от него какие-то особенности автографа, мешавшие полной реализации главной методологической установки.

Лишь недавно текст, установленный И. Н. Медведевой, был подвергнут ревизии С. А. Фомичевым, предложившим ряд существенных коррективов.⁵ Однако исходная текстологическая посылка сохранилась неизменной, и потому конечный результат оказался столь же, если даже не более уязвим для критики, как и предшествующий.

Если воспользоваться результатами добросовестного и местами виртуозного прочтения сложного черновика послания «Ты прав, мой друг, напрасно я презрел...», то последний его слой предстанет в следующем виде:⁶

л. 56 об.–58

<А> Ты прав, мой друг — напрасно я презрел
Дары природы благосклонный⁷
Я знал досуг, беспечных муз удел
И наслажденья лени сонной

⁵ *Фомичев С. А.* Новые тексты стихотворений А. С. Пушкина. СПб., 1996. С. 32–37 (Неизданный Пушкин. Вып. 1).

⁶ Для удобства дальнейшего изложения вводится отсутствующее у Пушкина обозначение строф заглавными литерами и некоторые строфы приводятся в транскрипции. Прилагаемые фототипические воспроизведения нескольких строф, на которых сосредоточено в статье основное внимание, позволяют читателю проверять непосредственно ход и логику главных рассуждений.

⁷ Так у Пушкина. Эта характерная описка служит веским доказательством того, что окончания прилагательных мужского рода в именительном падеже *-ый* и *-ой* не несли для него ни грамматического, ни стилистического различия.

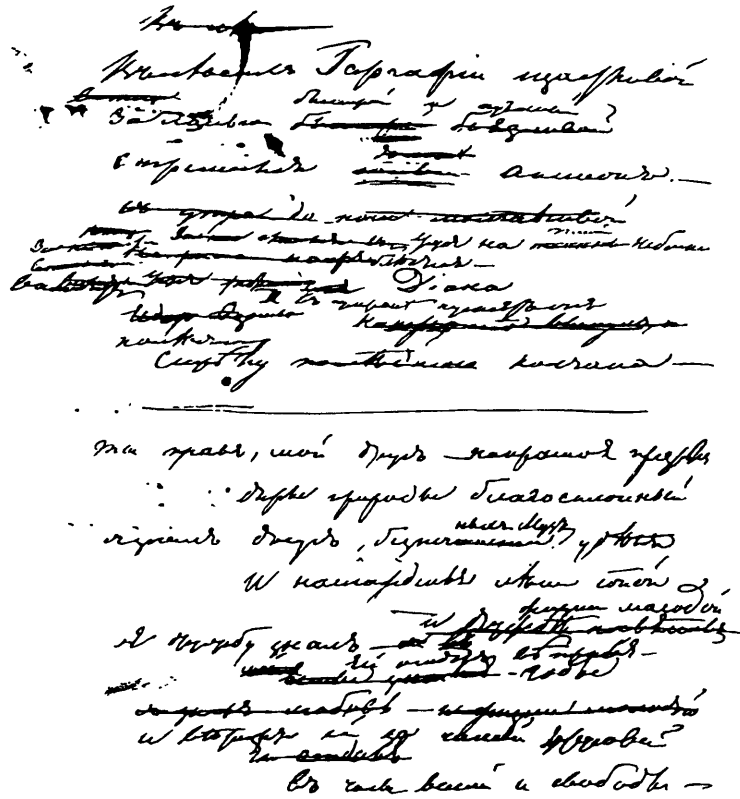

Рис. 3. Первая и вторая строфы (А, Б) на л. 56 об.

<Б> Я дружбу знал — и жизни молодой
 Ей отдал ветреные годы
 И верил ей за чашей круговой
 В часы веселий и свободы —

<В> Я знал любовь не мрачною <пропуск>⁸
 Не безнадежным заблужд<еньем>
 Я знал любовь прелестною ме<чтой>
 Очарованьем упоеньем —

#⁹

Муз —
 Ко всему была охо<та> <?>
 Ко всему охладел
 Ветренный я стал бесч<увствен> <?>

{Теперь пою <?> утрату <?>
 И это смешно —
 Хочу возобновить дружбу
 Как мертвец я <?> охладел <?>
 любовь
 труды [не могу]¹⁰

⁸ Последнее слово густо зачеркнуто, и более или менее уверенно в нем читается лишь первая буква «т». И. Н. Медведева поставила в конец стиха «[тоской]» (Акад. II, 265), но это конъектура, а не бесспорное чтение. Так или иначе, но в результате зачеркивания место оказалось пустым.

⁹ Далее в правой трети страницы (л. 57) записан план двух следующих строф, левые две трети оставлены пустыми, видимо, для работы над стихами.

¹⁰ Знаки, поставленные слева, означают у Пушкина перенос в другое место или перестановку с соседними записями. Куда поэт намеревался поместить отмеченные строки, не обозначено. И. Н. Медведева расположила запись в следующем порядке:

Теперь пою <?> утрату <?>
 И это смешно —
 Как мертвец я <?> охладел <?>
 Хочу возобновить дружбу
 любовь
 труды [не могу]

(Акад. II, 778).

<Г> Младых бесед оставя блеск и шум —
 Я знал — и труд и вдохновенье
 И сладостно мне было жарких дум —
 Уединенное — волнение —

<Д(Е)>¹¹ Но все прошло! — остыла в сердце кровь
 В их наготе я ныне вижу —

Фигурную скобку исследовательница игнорировала, даже не упомянув о ней хотя бы в примечании. К пункту «Как мертвец я <?> охладел <?>» дано пояснение: «*Строка вписана ошибочно между строками: Хочу возобновить дружбу и любовь*» (Там же).

Иначе прочел эту запись С. А. Фомичев:

Хочу возобновить дружбу
 любовь
 труды не могу
 Как мертвец я охладел
 Теперь пою утраты
 и это смешно

(Фомичев С. А. Указ. соч. С. 32).

Оба текстолога представили свои решения как окончательные; между тем не исключаются и другие. В частности, встает вопрос, уложился ли бы в строфу из *четырёх* стихов план, включающий *шесть* пунктов (строк). В предыдущем число строк точно соответствует числу намечаемых стихов. Если исходить из того, что и в данном случае должен был действовать принцип равенства числа пунктов плана и стихов в строфе (это предположение вполне правдоподобно), то фигурная скобка могла означать выведение двух первоначально намеченных строк из строфы, которая приобрела бы следующий вид:

Как мертвец я <?> охладел <?>
 Хочу возобновить дружбу
 любовь
 труды

Куда предполагалось поместить исключенные строки, Пушкин не указал. Возможны, конечно, и другие интерпретации. Например, явно повторяют друг друга пункты «Ко всему охладел» и «Как мертвец я <?> охладел <?>», так что помета около второго из них могла отражать какую-то перестановку с целью устранить это дублирование.

¹¹ Строфы *Д* и *Е* первоначально были записаны в обратной последовательности, но затем переставлены местами, что показано в автографе цифрами «2» и «1».

И свет и жизнь и дружбу и любовь
 И <пропуск>¹² опыт ненавижу¹³

<Е(Д)> Свою печать утратил резвый нрав —
 Душа час от часу немеет;
 В ней чувств уж нет — Так легкой лист дубрав
 В ключах Кавказских каменеет —
 =

[Разоблачив пленительной кумир
 Я вижу]
 Как бьется лань пронзенная стрелой
 И силится¹⁴

<Ж> Ужели он казался прежде мне
 Столь величавым и прекрасным
 Ужели в <пропуск>¹⁵ позорной <?> глубине
 Я наслаждался сердцем ясным

<И>¹⁶ Что ж видел в н<ем>¹⁷ безумец молодой
 Чего <пропуск>,¹⁸ к чему стремился

¹² В предпоследнем слое было слово «мрачный», которое все текстологи (Л. Н. Майков, В. Е. Якушкин, П. О. Морозов, В. Я. Брюсов, М. А. Цявловский, И. Н. Медведева, С. А. Фомичев) вводили в текст без указания того, что оно зачеркнуто. Между тем изъятие этого прилагательного здесь могло быть связано с его появлением в последнем слое строфы *В*, и в таком случае ради ритмической цельности стиха нарушается художественная воля Пушкина.

¹³ После этого слова в автографе стоит двоеточие, посередине которого, в пробеле между точками, проходит тире. В какой последовательности были поставлены эти знаки, неясно.

¹⁴ Около каждой из строк наброска «Как бьется...» поставлен знак переноса в другое место, которое нигде не указано.

¹⁵ И. Н. Медведева и вслед за нею С. А. Фомичев прочли этот стих: «Ужели в сей позорной глубине». Однако слово, которое находится на месте «сей», густо зачеркнуто и скорее угадывается предположительно, нежели уверенно читается.

¹⁶ Литеры «З» и «О» не используются вследствие их сходства с цифрами.

¹⁷ Чтение Л. Н. Майкова, принятое всеми текстологами и традиционно печатаемое без указания на то, что оно является конъектурой.

¹⁸ И. Н. Медведева и С. А. Фомичев вставили слово «искал», которое присутствовало в одном из вариантов предыдущего стиха и было там зачеркнуто. Работая над вторым стихом, Пушкин несколько раз менял его начало. Отвергнув очередной его вариант, он приписал впереди «Чего» (или, может быть,

Кого ж, кого возвышенной <пропуск>¹⁹
 Боготворить не постыдился

<К> Я говорил пред хладною толпой
 Языком Истины <пропуск>²⁰
 Но для толпы ничтожной и глухой
 Смешон глас сердца благородной

<Л> [Я замолчал] —	[С веселостью моей]—
[И видел] ²¹	— [для избранных судей]
[Я видел]	
[И встретил я]	
[И встретил ²³ тех котор<ые>]	[то малое число] ²²

«Чего ж»), и зачеркнутое выше («искал») оказалось своими первыми буквами над этим местоимением. Именно это расположение слов дало И. Н. Медведевой основание предположить, что, хотя знак восстановления или вставки на новое место здесь отсутствует, Пушкин тем не менее мысленно перенес «искал» во второй стих. Подобная гипотеза не лишена правдоподобия, однако недопустимо, что в академическом издании слово показано незачеркнутым (эту же текстологическую небрежность повторил и С. А. Фомичев).

¹⁹ Конъектура Л. Н. Майкова (принятая П. А. Ефремовым, В. Е. Якушкиным, П. О. Морозовым, В. Я. Брюсовым): «мечтой»; конъектура И. Н. Медведевой (принятая Б. В. Томашевским, С. А. Фомичевым): «душой». В публикации С. А. Фомичева угловые скобки отсутствуют.

²⁰ Все текстологи, начиная с Л. Н. Майкова, вводят слово «свободной», не указывая (кроме Акад. II, 266), что в автографе оно зачеркнуто.

²¹ Предшествовавший вариант: «И встретил».

²² И. Н. Медведева выстроила стих: «И встретил я то малое число», с предшествующими вариантами «Начато: а. И встретил б. И видел» (Акад. II, 781). Произвольный перескок через третью строку («Я видел») замаскирован тем, что она вообще не нашла отражения в реконструкции движения чернового текста. Получившийся стих вызывает большие сомнения. Он представляет собою пятистопный ямба, однако начат с отступом от левого края, что в общем строфическом рисунке этого стихотворения характерно для строк четырехстопного ямба. К тому же первая и вторая части предполагаемого стиха написаны не на одном уровне; правда, сдвиг по вертикали очень незначительный, но даже такой вряд ли получился бы, если бы они писались единой строкою. Вероятнее всего, что сначала была написана и вычеркнута вторая часть, а позднее примерялось начало четырехстопного стиха.

²³ Предшествующий вариант: вместо «встретил» было «видел».

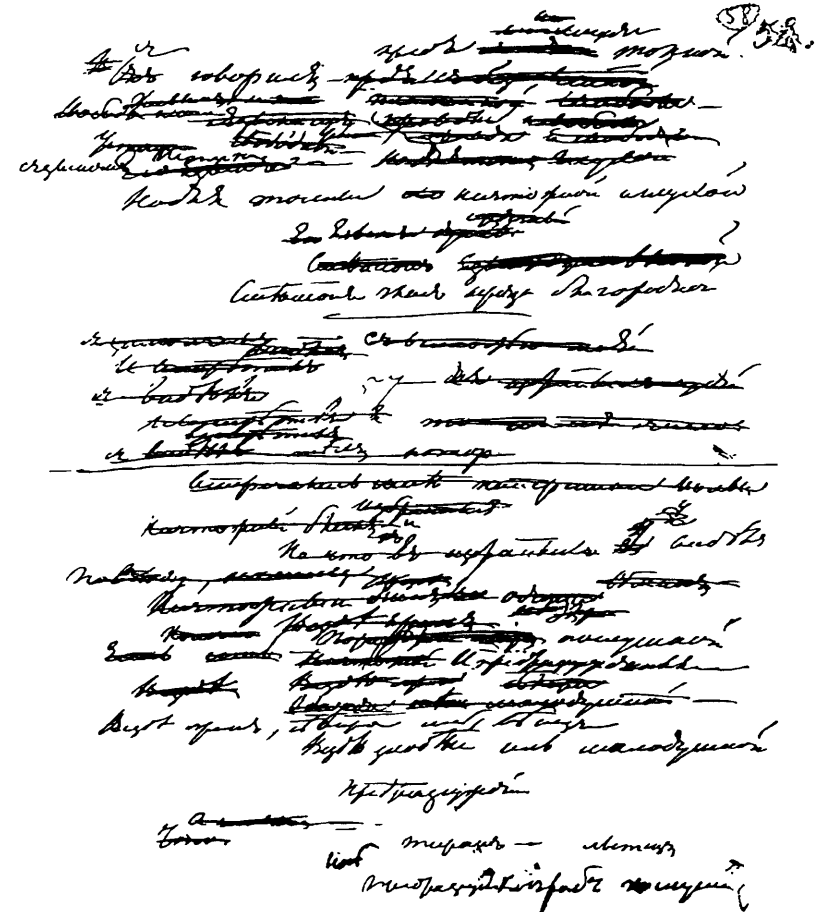

Рис. 4. Последние строфы (К, Л, М) послания на л. 58.

<М>²⁴ [Встречались мне наперсники Молвы]
 [Но что ж в избранных в<идел> <?>]
 [Ничтожный блеск Ви<?>] [одежд]

Между первой и второй строками пробовались варианты: «Ничтожный блеск и», «Избранныя». Перерабатывался и конец второй строки, а в результате от нее остались «Я видел», переправленное на «Увидел», сохранившееся незачеркнутым.

Между второй и третьей строками вписывались варианты: «Повсюду насилье» и «Везде <пропуск> Обман — ». Они знаменовали, видимо, поворот в развитии строфы. Далее следует ряд проб, записанных в столбик и начинающихся на уровне четырехстопных строк:

[Везде ярем]
 [Поработили мир]²⁵ послушной
 [Ничтожный] И предрассужденья²⁶
 [Везде ярем <пропуск> секира]
 [Одежда спеси малодушной] — ²⁷

Через эти поиски Пушкин пришел к наброску строфы с несложившимся третьим стихом:

²⁴ Для этой строфы используется описание в сочетании с транскрипцией.

²⁵ Под зачеркнутым «[мир]» стоит знак восстановления.

²⁶ Росчерк после конечной буквы дает основание предположить кению «предрассужденьям».

И. Н. Медведева (Акад. II, 781, сн. 6 г, д) предполагает два варианта: «г. И предрассу<дкам> <?> мир послушный д. Предрассужденьям мир послушный». Однако, кроме восстановления слова «мир», нет никаких иных графических оснований для предположения, что, выстраивая стих с восстановленным для него словом, Пушкин намеревался употребить существительное «предрассудкам», но в процессе письма, на букве «у», изменил стих, оставив при этом союз «И» незачеркнутым. Оба эти варианта представляют собою обычную в академическом «Полном собрании сочинений» гипотетическую и нередко произвольную комбинацию слов автографа, к которой прибегали редакторы, убежденные в том, что Пушкин писал только складными стихами.

²⁷ Слева от этих строк находятся отрывочные записи: «Есть», «Конечно есть», «Везде».

Везде ярем, секира иль венец²⁸
 Везде злодей иль малодушной
 Предрассуждений
 [А человек] = —
 [Что] тиран — льстец
 Иль
 предрассудков²⁹ раб послушной

л. 36 об.

<Н> Красы лаис, заветные пиры
 И клики радости безумной,
 И мирных³⁰ Муз минутные дары
 И лепетанье славы шумной

<П> Разоблачив³¹ <пропуск>³² кумир,
 Я вижу призрак безобразной —
 теперь³³
 Но что ж тревожит хладной мир
 Души бесчувственной и праздно

²⁸ Стих вписан.

²⁹ «Иль предрассудков» исправлено из начатого «Предрассуждений».

³⁰ Прилагательное «мирных» примыкает почти вплотную к предшествующему и следующему за ним словам.

³¹ Так прочли все текстологи по аналогии с первым словом записанного на л. 57 об. двустихия «Разоблачив пленительный кумир Я вижу» (см. выше, с. 89).

³² В предшествующих слоях здесь было начато и зачеркнуто: «[пленительный]», т. е. Пушкин отказался от этого определения еще в процессе его написания и много ранее появления деепричастия «разоблачив». Все текстологи вводят зачеркнутое прилагательное в стих по аналогии с двустихием на л. 57 об.

³³ Слово «теперь» было вынесено над строкою *по ходу* ее заполнения, т. е. оно было там написано сразу после того, как было окончено «что-жь». Об этом говорит то обстоятельство, что приставшая, видимо, к перу соринка оставила след на буквах слов «что-жь» и «теперь», который далее исчезает. Следовательно, первоначально стих был записан с пропуском, оказавшимся недостаточным для вставленных слов: «Но <пропуск> тревожит хладной мир».

<P> Любил м<ечты> и Славу и любовь
И многому я в жизни верил —³⁴

Таково *действительное* состояние текста, который последовательными усилиями нескольких пушкинистов разных поколений был превращен в стройное, хотя, как указывается в некоторых комментариях, и незавершенное стихотворение. Поскольку написанное Пушкиным существенно разнится от того, что уже шесть десятилетий печатается как произведение, отвечающее его авторской воле, уместно наконец подвергнуть это последнее критическому анализу с целью обнажить его уязвимые места и либо тем не менее подтвердить, либо опровергнуть корректность принятых текстологами решений и правомерность употребленных ими приемов.

Первыми должны быть рассмотрены введенные в текст зачеркнутые слова и редакторские конъектуры. Этот прием широко использовался в академическом «*Полном собрании сочинений*» А С Пушкина, и с его помощью было сконструировано немало хороших стихов, которые, перейдя далее в массовые издания и лишившись в них, естественно, специальных текстологических значков, не понятных широкому читателю, стали функционировать не как гипотетические реконструкции пушкинистов, чем такие произведения собственно и являются, а как написанные и оставленные Пушкиным именно в том виде, в каком они печатаются.³⁵ Практику введения зачеркнутых слов в тексты *корпуса* сочинений пушкиноведческая традиция, пе-

³⁴ Последние два стиха зачеркнуты

[Когда] [еще кипела в сердце кровь —]
[Я сам с собо<ю> лицемерил]

В четвертом стихе осталось от предшествующего слоя («И сам с собой я лицемерил») неисправленное окончание в слове «с собой»

³⁵ Подобное продолжается и в наши дни. Так, поспешая довести до читателей «Литературной газеты» интересную, но очень спорную гипотетическую реконструкцию текста стихотворения «Эллеферия», предложенную С А Фомичевым, журналист И О Фояков пишет «В старом (Большом) академическом издании тридцатых — сороковых годов оно воспроизводилось по-иному иной порядок строф, иное прочтение некоторых слов и строк. И, конечно, пробелы, обилие скобок — квадратных и угловых, — обозначающих предположительность расшифровки. Не обошелся без этих значков и предлагаемый

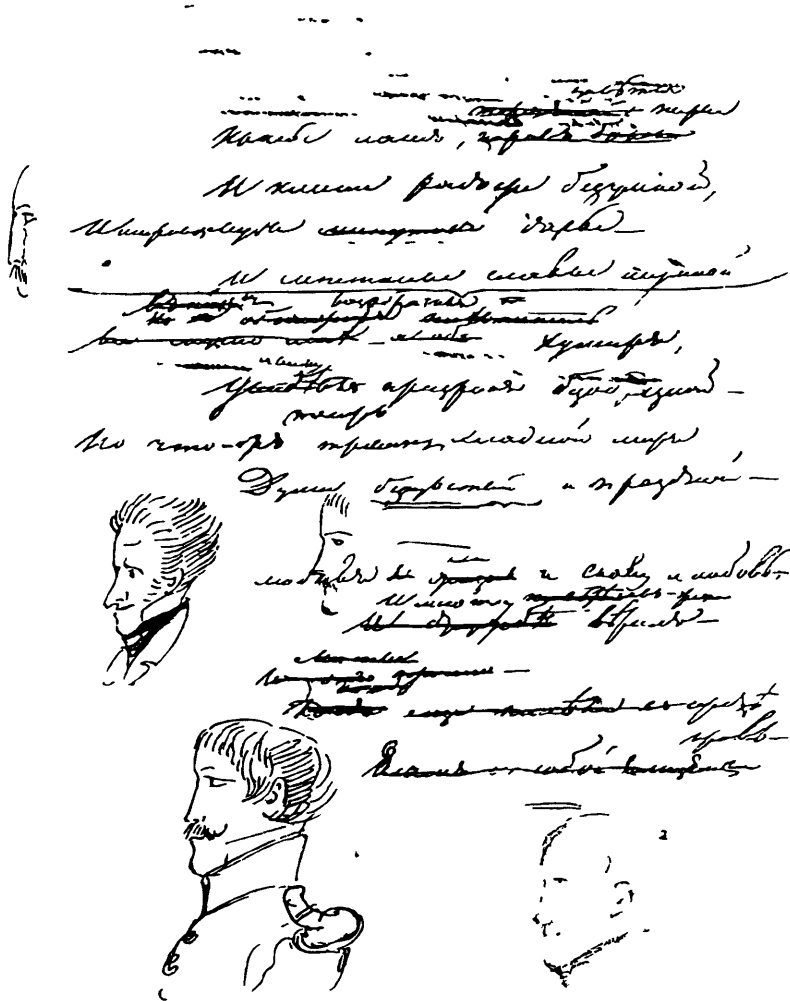

Рис 5 Строфы на л 36 об (Н, П, Р)

редаваемая устно, обосновывает рассуждением, согласно которому стих в какой-то момент существовал с зачеркнутым словом³⁶ и Пушкин мог к этому варианту вернуться при окончательной доработке произведения, чему на самом деле имеется немало примеров. Говорят (совершенно справедливо) и о том, что Пушкин далеко не всегда помечал восстановление слова в тексте и что наличие подобных бесспорных случаев дает право редактору предполагать то же и в других, когда его к этому склоняет его литературоведческое или поэтическое чутье.

Подробный разбор всех *pro et contra* прочно укоренившейся и освященной высочайшими текстологическими авторитетами практики, закреплённой в виде формулированных теоретических положений,³⁷ должен был бы давно еще стать, но, к сожалению, не стал предметом широкой дискуссии, выходящей за рамки одного лишь пушкиноведения. Однако некоторые оппонирующие суждения высказывались в разное время, и здесь их уместно напомнить.

ныне вариант — мы их опустили для удобства чтения, как опускаем и научные доказательства, заметив лишь одно: звучат они в большинстве своем убедительно, а стихотворение обретает стройность и завершенность» (Фонаков И. О. Та, которую звали Эллеферия: Строки Пушкина, прочитанные заново // Лит. газета. 1997. 12 февр. № 6 (5640). С. 12)

³⁶ Правда, отнюдь не всегда такой стих был завершенным, но это в расчет не принимается.

³⁷ Б. В. Томашевский писал в 1927 году: «Зачеркивание может свидетельствовать часто лишь о том, что автор, достигнув какой-то редакции, не удовлетворился ею и продолжал работу, которая могла остаться незавершенной. <...> Не нужно думать, что восстановление зачеркнутого незаконно, так как автор-де, зачеркивая, отверг этот текст. Ведь уже то, что автор не продвинул произведения дальше черновика, свидетельствует, что он отверг его. Печатаая черновик, мы, понятно, обнаруживаем к этому произведению меньшую критическую строгость, чем сам автор. Однако полезно в самом тексте отмечать зачеркнутое, заключая его в прямые скобки []» (Томашевский. Б. В. Писатель и книга: Очерк текстологии. 2-е изд. М., 1959. С. 170). Е. И. Прохоров формулировал следующее правило: «...если источником основного текста незаконченного произведения выбирается верхний слой черновика, то в недоработанных местах возможно обращение к предшествующему слою и, наоборот, если основным является нижний слой рукописи, иногда приходится привлекать части текста из верхнего слоя, чтобы получить законченную, осмысленную фразу» (Основы текстологии / Под ред. В. С. Нечаевой. М., 1962. С. 323–324; ср.: Прохоров Е. И. Текстология: (Принципы издания классической литературы). М., 1966. С. 89).

При обсуждении на заседании Пушкинской комиссии тома драматических произведений Пушкина, изданного на подступах к юбилейному академическому «Полному собранию сочинений»,³⁸ Д. П. Якубович, редактор этого тома, говорил: «...одним из самых ударных отделов тома является отдел редакций. Самый способ подачи, бесспорно, очень привлекателен, поскольку он дает черновики в читаемом виде. Читается текст связно, и подчас получается новое произведение Пушкина, иногда очень отличающееся от основного произведения. Но этот способ при всей привлекательности очень дискусионен. Сейчас об этом я не буду говорить, так как этот вопрос надо обсудить специально».³⁹ Отзвуком каких-то получивших огласку споров явилась, видимо, карикатура в «Литературном Ленинграде» от 17 января 1937 года: высунувшись из портрета и глядя из-за плеча работающего за столом и что-то пишущего в тетради человека, Пушкин держится за голову и мысленно восклицает: «Что он делает!? Я же трижды зачеркнул это слово?!» Карикатура называлась «Глас вопиющего» и имела пояснение: «В практике пушкинистов нередки случаи, когда в пушкинские издания комментаторы вставляют слова, зачеркнутые поэтом в черновиках». В 1949 г. М. К. Азадовский и Ю. Г. Оксман обменялись в письмах резкими замечаниями о «малом» академическом десятилетнике, включавшем большое число выполненных с помощью этих приемов реконструкций, как перепечатанных из «большого» собрания, так и новых, выработанных Б. В. Томашевским.⁴⁰ На состоявшейся в 1959 году XI Всесоюзной Пушкинской конфе-

³⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, [1935]. Т. 7. Драматические произведения.

³⁹ Из истории советского академического издания сочинений Пушкина: Обсуждение тома драматургии на заседании Пушкинской комиссии 21 апреля 1936 г. / Публ. А. Л. Гришунина // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1991. Т. 14. С. 269.

⁴⁰ См.: Азадовский М. К., Оксман Ю. Г. Переписка, 1944 – 1954 / Изд. подготовил К. Азадовский. М., 1998. С. 124 – 131. Ср.: Гришунин А. Л. Ю. Г. Оксман о текстах Пушкина // Моск. пушкинист. М., 1999. Вып. 6. С. 347; а также письмо Ю. Г. Оксмана к К. П. Богаевской от 28 мая 1949 г. (Ю. Г. Оксман в Саратове: (Письма 1947–1957) // Вопросы литературы. 1993. № 5. С. 252), где речь идет также о начавшемся издании: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. М.: Гослитиздат, 1949–1950.

ренции Ю. Г. Оксман в докладе «О некоторых текстологических и композиционных особенностях академических изданий Пушкина» признал «включение гипотетических прочтений (заключенных в угловые скобки) в пушкинский текст <...> важным недостатком академического издания, потому что в массовых изданиях, опирающихся на академический текст, гипотетичность прочтения никак не обозначается». ⁴¹ Контаминация различных слоев правки для непрямого извлечения из черновика связанного стихотворного текста находится в определенном противополжении тезису, сформулированному Д. С. Лихачевым: «Смысл печатания черновика не в том, что он дает законченный текст, а в том, что он дает читателю представление о творческом процессе». ⁴² Примечательно, что именно невозможность составить четкое представление о процессе работы Пушкина над своими произведениями ставит в большой упрек советским изданиям видный американский пушкинист Дж. Томас Шоу. Он

⁴¹ *Сандомирская В. Б.* XI Всесоюзная Пушкинская конференция // Русская литература. 1959. № 4. С. 251. Эта хроника публиковалась еще дважды: Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. 1959. Т. 18. № 6. С. 557; Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1962. Т. 4. С. 416. Доклад не был, к сожалению, опубликован, а хроника составлена в самых общих выражениях, пропускает какие-то важные звенья в рассуждениях ученого и лишена конкретных примеров, ограничиваясь указанием, что «в докладе были разобраны также несколько спорных прочтений академического издания и ряд его конъектур, вызывающих сомнения».

NB! Данная статья была уже подготовлена для повторной публикации в этом сборнике, когда в Пушкинском кабинете (ИРЛИ) был обнаружен лежавший давно забытым стенографический отчет XI Всесоюзной Пушкинской конференции, что дало возможность познакомиться с критическими замечаниями Ю. Г. Оксмана и мнениями других ученых в том виде, как они были записаны (очень несовершенно) по ходу выступлений. Включить соответствующие выдержки в текст статьи потребовало бы существенной ее композиционной перестройки, поэтому они вынесены в Приложение (см. с. 229–245).

⁴² *Лихачев Д. С.* Текстология: Краткий очерк. М.; Л., 1964. С. 89. В подстрочном примечании ученый пояснил: «Под законченным текстом мы разумеем не текст окончательный (последний вырабатывается в результате всего творческого процесса, и в нем особую роль играет авторское переписывание с черновика), а текст, который может быть связано прочтен, грамматически и логически осмысленный (хотя в стихотворных текстах законченный текст может содержать ошибки против ритмики, рифмовки и пр.)».

пишет: «Для того чтобы судить сколь-либо уверенно о сознательном использовании Пушкиным художественных приемов (*conscious artistry*) в любом данном стихотворении или другом произведении, нужно знать, считал ли он его законченным. Одну из первых трудностей, с которой сталкивается занимающийся художественным мастерством Пушкина, создает то, как печатаются его произведения в современных изданиях: на протяжении нескольких поколений обнаруживались в черновиках всё новые и новые произведения, их возвращали к жизни (*resurrected*) и помещали в одном ряду с произведениями, которые Пушкин считал законченными и отдавал в печать. Произведения, которые Пушкин не публиковал, включая написанные в черновике, печатают нередко без четкого обозначения степени завершенности, часто восстанавливая вычеркнутые слова и стихи, а иногда втихомолку заполняя пробелы редакторскими конъектурами. Брюсов, утверждая, что Пушкин не всегда соблюдал им же самим установленные для себя правила рифмовки, и приведя в качестве примера холостой стих в стихотворении „Рифма — звучная подруга...“, говорил об этом произведении, как если бы оно было законченным;» ⁴³ однако, как указано в „Большом ака-

⁴³ *Брюсов В. Я.* Стихотворная техника Пушкина // *Брюсов В. Я.* Мой Пушкин. М., 1929. С. 157. — *Примеч. Дж. Т. Шоу.*

Брюсов писал: «Так, в стихотворении „Рифма — звучная подруга“ в первой строфе остался несрифмованным 4-й стих, отчего вся строфа стала короче следующих». Первоначально статья «Стихотворная техника Пушкина» была напечатана в издании «Библиотеки великих писателей» (см.: *Пушкин А. С.* [Собр. соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1915. Т. 6. С. 363), где первая строфа читалась:

Рифма — звучная подруга
Вдохновенного досуга,
Вдохновенного труда,
Ах, ужель ты улетела,
Изменила навсегда?

(Там же.
СПб., 1908. Т. 2. С. 501).

В этом виде (с позднейшей заменой «ужель» на «зачем» и непонятной запятой после «подруга») строфа печаталась вплоть до изд.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. 5-е изд. М.: Гослитиздат, 1938. Т. 2. С. 68. Между тем еще сам Брюсов ввел в текст зачеркнутый в автографе стих, опустив почему-то («под-

демического издания», стихотворение существует лишь в черновике (Акад. III, 1166) и впервые было опубликовано почти через два десятилетия после смерти Пушкина. В „Большом академическом” издании показано, что рифма, которую Брюсов считал „недостающей”, находилась в зачеркнутом Пушкиным стихе, ничем не замененном и не восстановленном. Во многих современных изданиях не указываются источники текстов пушкинских стихотворений (прижизненные публикации, осуществленные самим Пушкиным или им санкционированные и одобренные, автографы, рукописные копии) и не восстановленные Пушкиным зачеркивания. Некоторые издания включают в текст, без пояснений и без указаний, слова, Пушкиным зачеркнутые и не восстановленные, например — в стихотворении „Рифма — звучная подруга” зачеркнутую и невосстановленную строку, содержащую рифму, которую, как думал Брюсов, Пушкин якобы забыл».⁴⁴

гонка» под цитированную фразу из статьи?) рифмующее слово и никак не обозначив зачеркивания:

Рифма — звучная подруга
Вдохновенного досуга,
Вдохновенного труда!
Ты умолкла.....

Ах, ужель ты улетела,
Изменила навсегда?

(Пушкин А. С. Полн. собр. соч. / Ред., вступ. статьи и коммент. В. Брюсова. М., 1919. Т. 1. Ч. 1. С. 289). Позднее М. А. Цявловский оставил на месте зачеркнутого четвертого стиха пробел, а к третьему сделал примечание: «Следующий стих не написан» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 9 т. [М.; Л.]: Academia, 1935. Т. 2. С. 298; Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л.: Academia, 1936. Т. 1. С. 517). В то же самое время Б. В. Томашевский включил извлеченный из черновика стих («Ты умолкла, онемела») в строфу, не обозначив, что в автографе он зачеркнут (Пушкин А. С. Соч. / Ред., биограф. очерк и примеч. Б. Томашевского; Вступ. ст. В. Десницкого. Л., 1935. С. 402; То же. Л., 1936. С. 402). Этот пример говорит о том, что по вопросу о введении в основные тексты зачеркнутых слов и стихов между двумя видными пушкинистами не было, кажется, в то время полного единомыслия.

⁴⁴ Shaw J. T. Pushkin's Poetics of the Unexpected: The Nonrhymed Lines in the Rhymed Poetry and the Rhymed Lines in the Nonrhymed Poetry. Columbus, Ohio, 1994. P. 19.

Казалось бы, упреки американского пушкиниста минуют «Большое академическое» издание, на которое он ссылается, исправляя ошибку Брюсова, и которое уважительно называет «текстуально точным» (textual edition). Однако во многих представленных в этом «Полном собрании сочинений» Пушкина редакторских сводках контаминированы разные слои черного текста, и можно привести немало примеров редакторской «забывчивости», выражающейся в том, что вводимые в текст конъектуры и зачеркнутые слова напечатаны без соответствующих обозначений. Только в стихотворении, которому посвящена данная статья, находятся четыре (!) таких погрешности.⁴⁵ Но главный интерес применительно к разбираемой текстологической проблеме составляют не эти рядовые, по своей сути, нарушения точности воспроизведения черновика, а чтение в строфе М третьего стиха.

Все пушкинисты-текстологи согласились (поскольку это само собою очевидно) с тем, что слово «льстец» должно быть в третьей строке конечным, но ее начало получило у них разные решения.

Л. Н. Майков и вслед за ним П. А. Ефремов поняли тире между «тиран» и «льстец» как обозначение пропуска, оставленного для заполнения, когда будут найдены нужные слова; в результате строка приобрела у них вид:

Тиран.....льстец,

В. Я. Брюсов ввел в строку зачеркнутые слова, произвольно соединив два слоя, и добавил конъектуру; но и при этом ему не хватило двух слогов для пятистопного ямба. Строка у него получилась:

Что человек?..... тиран <да> льстец,

По тому же пути пошла И. Н. Медведева при первой публикации своего текста (в 1938 году). Правда, она взяла зачерк-

⁴⁵ См. сноски 12, 15, 17, 18.

нутые слова из одного слоя, но так же, как и Брюсов, не пометила, что они вычеркнуты, и так же, как и ему, ей понадобилось прибегнуть к конъектуре — даже к двум, чтобы заполнить все «пустоты»:

А человек <езде> тиран <иль> льстец.⁴⁶

Общий редактор второго тома академического «Полного собрания сочинений» М. А. Цявловский не согласился с этим решением и вернулся к чтению, предложенному Л. Н. Майковым («Тиран льстец» — Акад. II, 266), которое затем воспроизводилось во многих массовых изданиях.⁴⁷ Принял его поначалу в «малом академическом» десятитомнике и Б. В. Томашевский,⁴⁸ но вскоре от него отказался, заменив первоначальным чтением И. Н. Медведевой,⁴⁹ при этом, по правилам массового издания, не только нельзя было исправить допущенную исследовательницей ошибку и заключить в квадратные скобки вычеркнутые Пушкиным слова, но были сняты и угловые, обозначающие конъектуры, так что строка приобрела вид, как если бы она такой была сочинена самим поэтом.

Десятитомник под редакцией Б. В. Томашевского переиздавался еще три раза огромными тиражами и служил базой для большого числа массовых изданий, в том числе для выпущенного почти 11-миллионным <!> тиражом трехтомника.⁵⁰ Так в широком читательском обиходе оказались на долгие де-

⁴⁶ В газете была допущена опечатка: <иль льстец>.

⁴⁷ Важнейшие из них, становившиеся в свою очередь исходными для других массовых собраний сочинений, сборников и пр.: *Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 6 т. М.: Гослитиздат, 1949. Т. 1. С. 369. (Здесь допущена курьезная опечатка: слова «Тиран» и «льстец» напечатаны каждое отдельной строкой, так что получилось пятистишие!); Полн. собр. соч.: В 1 т. / Том подгот. М. А. Цявловским. М.: Гослитиздат, 1949. С. 150; Собр. соч.: В 10 т. М.: Гослитиздат, 1959. Т. 1. С. 519; Собр. соч.: В 10 т. М.: Худож. лит., 1974. Т. 1. С. 571.

⁴⁸ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. / Текст проверен и примеч. сост. Б. В. Томашевским. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 2. С. 116; То же. 1950. Т. 2. С. 116.

⁴⁹ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 2. С. 120.

⁵⁰ *Пушкин А. С.* Соч.: В 3 т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 1. С. 281.

сятилетия два варианта одного и того же стиха, оба гипотетические и никак не объясненные. Правда, миллионы «народных» пушкинистов ничего не заметили; даже бдительные ветераны советской формации не написали по этому поводу, кажется, ни одного негодующего письма. Однако в среде пушкинистов-текстологов сомнения оставались. На XI Всесоюзной Пушкинской конференции Ю. Г. Оксман критиковал, среди прочих спорных прочтений и конъектур «большого» и «малого» академических изданий, и это решение И. Н. Медведевой — Б. В. Томашевского. Отзвуки его аргументов дошли до нас в изложении В. В. Пугачева, знакомого с докладом и от него отталкивавшегося в своих возражениях Б. В. Томашевскому.⁵¹ Ю. Г. Оксман защищал чтение, принятое в «большом академическом» «Полном собрании сочинений», и оспаривал как некорректное, исходя из общей своей текстологической установки, введение конъектур «езде» и «иль», а также зачеркнутых в автографе слов «А человек». Действительно, для того чтобы иметь основание включить в стих слова «А человек», нужно, как минимум, доказать, что они еще не были зачеркнуты в тот момент, когда Пушкин писал «тиран — льстец», т. е., иначе говоря, что какое-то, пусть очень короткое время в предпоследнем слое правки существовала запись:

А человек <пропуск> тиран — льстец.

Если бы это и удалось, то смешение в одной строфе разных, хотя бы и соседних слоев правки все равно нарушало бы волю автора, которого по каким-то соображениям на последний момент работы над посланием слово «человек» не удовлетворяло. Можно, конечно, предположить, что Пушкин, как это часто с ним случалось, вернулся бы к ранее отвергнутому варианту. Так, может быть, рассуждал Б. В. Томашевский — и в данном случае не безосновательно. Когда в августе 1826 года

⁵¹ *Пугачев В. В.* О полемике вокруг пушкинского послания В. Ф. Раевскому: К спорам о пушкинском понимании нравственной сущности человека // Проблемы истории культуры, литературы, социально-экономической мысли. Саратов, 1988. Вып. 5. С. 161–174.

Пушкин перефразировал два последних стиха для открывавшего письмо к П. А. Вяземскому стихотворения («Так море, древний душегубец...»), он употребил слово «человек»:

На всех стихиях человек
Тиран, предатель или узник.

(Акад. III, 21; XIII, 290)

В свою очередь выражение «На всех стихиях» можно рассматривать как поэтический образ, сложившийся на основе подразумевавшегося, но не написанного в брошенной строке наречия «езде», которое к тому же присутствовало в каждом из двух первых стихов строфы. Эти аргументы подтверждают, однако, лишь правдоподобность, допустимую вероятность чтения И. Н. Медведевой — Б. В. Томашевского, но ни в коем случае не доказывают его правильность. Остроумный и весомый аргумент против этой конъектуры нашел В. В. Пугачев: «Конечно, текст „А человек везде тиран иль льстец” — цельный. Но ведь он означает характеристику нравственной сущности человека вообще. Как же быть с предшествующей строкой? „Везде злодей иль малодушный” — это тоже характеристика человека? Зачем же *после этого* „А человек везде...?»⁵² Менее убедительно другое его возражение. Предполагая, что Б. В. Томашевский опирался, возможно, на два цитированные выше заключительных стиха из письма к Вяземскому, он утверждал, что в них выразилась «скорее временная эмоция, чем убеждение», и что «распространять эту сентенцию на концовку послания к Раевскому нет оснований».⁵³ Оперировать толкованием широких мировоззренческих концепций и категорий при решении частных вопросов текстологии всегда очень рискованно, в данном же случае развиваемый В. В. Пугачевым тезис о противоречии опровергаемого им чтения коренному взгляду Пушкина на человека основывается на интерпретации поэтических высказываний,

⁵² Там же. С. 166.

⁵³ Там же. С. 168.

а всякая интерпретация субъективна и потому в большей или меньшей степени гипотетична.⁵⁴

Итак, популяризированный «малым академическим» десятизмником стих «А человек везде тиран иль льстец» представлял собою не более чем смелую и сомнительную конъектуру, пустить которую в широкий читательский оборот без всяких пояснений было большою вольностью текстологов.

Новое чтение предложил С. А. Фомичев, обративший внимание на то, что в двух предшествующих «осталось неиспользованным незначительное слово „предрассуждений”». Предположив, что именно оно подразумевалось прочерком между «тиран» и «льстец», и введя конъектуру «езде», он получил стих:

<Везде> тиран, предрассуждений льстец,⁵⁵

При том положении, которое слово «Предрассуждений» занимает на странице относительно строки «тиран — льстец», вероятнее было бы ожидать указания касательно его вставки не посредством тире, а обычным для подобных случаев обозначением, например:

Предрассуждений
тиран льстец.

⁵⁴ Субъективность (что не значит ошибочность) интерпретации В. В. Пугачева проистекает из ее заданности, определяемой тем, что ее отправною точкою было желание обелить в памяти пушкиноведов Ю. Г. Оксмана, сделавшего в своем докладе оскорбительное для покойного Б. В. Томашевского, продиктованное чувством горечи незаконно репрессированного и насильственно отлученного от пушкиноведения ученого заявление, согласно которому «может быть, это мировоззрение Бориса Викторовича, но не мировоззрение Пушкина», имевшего «другой взгляд на человека» (Там же. С. 161). Субъективная цель В. В. Пугачева достигалась только одним путем — переключить внимание с первой части утверждения Ю. Г. Оксмана на вторую, собрав как можно больше аргументов в ее поддержку. Попутно следует отметить нелепую ошибку В. В. Пугачева, возведенную им в ранг доказательства. Опираясь не на рукопись, а на разработку вариантов в «Полном собрании сочинений» и найдя слово «человек» лишь в сноске (Акад. II, 782, сн. 1), он не понял соотношения вариантов и заключил: «Слова „человек” — нет <...> откуда предположение „человек” — непонятно» (Там же. С. 166). На это недоразумение указано в заметке: *Немировский И. В., Рогова А. И.* Послание В. Ф. Раевскому «Ты прав, мой друг, напрасно я презрел...» (1822) // *Временник Пушкинской комиссии.* СПб., 1996. Вып. 27. С. 100–102.

⁵⁵ *Фомичев С. А.* Указ. соч. С. 35–36.

Конечно, это предположение само по себе не может быть веским контраргументом, но ему придает доказательность анализ динамики записи строк.

В набросках этой и предыдущей строф Пушкин, как показано выше транскрипцией (см. с. 190–193), по несколько раз «примерял» к разным строкам одни и те же слова и сочетания слов, слегка их варьируя (т. е., видимо, меняя в голове складывавшиеся стихи). Переноса их из одного места в другое, он зачеркивал их на прежнем, но в двух случаях («послушной», «И предрассужденья») этого не сделал. Оба слова находятся в столбике, образованном поисками четырехстопного стиха. Написав и зачеркнув очередной вариант: «[Одежда спеси малодушной]—», Пушкин сразу нашел новый, его наконец удовлетворивший: «Везде злодей иль малодушной». Этим была закреплена рифма «послушной : малодушной» в четырехстопных строках. Родившийся стих должен был обязательно следовать за пятистопным, и потому, оставляя для еще не сочиненной строки место, Пушкин отступил вниз несколько больше, нежели делал это между предшествующими в том же столбике. С таким же межстрочным интервалом записывается ниже слово «Предрассуждений», перенесенное из предыдущих набросков, где оставалось и продолжает оставаться незачеркнутым. Оно обозначает задуманный стих, который, по всей видимости, предполагается четырехстопным, на что указывает прежде всего поставленный под ним знак окончания строфы «=»,⁵⁶ а также отсутствие характерного для пятистопных стихов выноса начала строки влево, притом что «Предрассуждений» написано с прописной буквы.⁵⁷ Последнее слово пре-

⁵⁶ В автографе этот знак как бы завершает фразу «А человек», но относиться к ней по смыслу не может, так как Пушкин такого знака препинания не употреблял. Следовательно, он появился ранее, когда перед ним (в строке по горизонтали) и под ним еще не было ничего написано. Подобный же знак стоит под строфой *Е(Д)* (см. с. 189).

⁵⁷ Непонятен, правда, небольшой сдвиг вправо относительно первого слова предыдущей строки. Из сличения с последней строкой, где в первом варианте повторяется это слово (см. сноску 29), написанное с еще большим отступом, можно предположить, что Пушкин на всякий случай резервировал место для возможного появления перед «Предрассуждений» какого-нибудь слова, если строка будет преобразовываться в пятистопный ямб.

дыдущей строки «малодушной» требует рифмы «послушной». Это прилагательное Пушкин здесь не пишет, но явно держит в уме, поскольку выше оно не зачеркнуто. В тот момент, когда ставится знак окончания строфы, под ним отсутствуют какие-либо записи, а коль скоро нет слова «льстец», то не должно быть и рифмующегося с ним стиха «Везде ярем, секира иль венец». Так сложился каркас строфы, состоящий из двух четырехстопных стихов, одного полностью сочиненного, другого — лишь намеченного, причем наполовину мысленно:

<	>
	Везде злодей иль малодушной
<	>
	Предрассуждений <...> <послушной>.
	=

Не завершив работу над этой строфой, Пушкин приступил к следующей. Ниже отчерка он пишет и зачеркивает: «Что», затем: «А человек», причем после этого сочетания ставит тире,⁵⁸ которое вероятнее всего означает пропуск в стихе еще не найденного слова. Если же здесь был намечен пробел, то после него должно было (или, по крайней мере, могло) что-то быть написано, т. е. нельзя исключить того, что (как бы это ни было противно рассуждениям Ю. Г. Оксмана и В. В. Пугачева) какое-то время существовал вариант, поддерживающий конъектуру И. Н. Медведевой — Б. В. Томашевского:

А человек — тиран — льстец.

Появление рифмующего слова «льстец» в пятистопном стихе (таковым он должен быть как первый в новой строфе) приводит к перестройке набросков. Оно подсказывает рифму «венец», а с нею получают завершение не складывавшиеся ранее фрагменты: «[Везде ярем]», «[Везде ярем <пропуск> секира]» — и становятся недостающим первым стихом намеченной предыдущей строфы:

⁵⁸ Тире ставится после знака окончания строфы, оказавшегося в одной строке с «А человек».

Везде ярем, секира иль венец.

Этот стих вписывается в предназначенный для него межстрочный интервал, а первый стих новой строфы, оканчивающийся словом «льстец», автоматически присоединяется к предыдущей, становясь в ней третьим. При таком раскладе сочетание «А человек», если оно еще не было вычеркнуто, становится неуместным (вступает в силу аргумент В. В. Пугачева) и аннулируется. Эта же черта захватывает и потерявший свой смысл знак строфораздела. Строка приобретает вид:

— тиран — льстец

что равносильно:

< > тиран < > льстец

В этом свете хорошо видна как ошибка в расположении слов, допущенная Л. Н. Майковым и повторенная в «большом» академическом «Полном собрании сочинений», так и некорректность конъектуры И. Н. Медведевой — Б. В. Томашевского для основного текста послания.

После этой перекомпоновки слово «Предрассуждений», обозначающее предполагавшийся заключительный четырехстопный стих, оказалось не на месте — между второй и третьей строками. Не зачеркивая его здесь (как он поступил и выше, перенося его сюда), Пушкин пишет его в третий раз — там, где теперь и полагается быть заключительной четырехстопной строке. Рифмующее прилагательное «послушной» по-прежнему держится в уме, а недостающее односложное слово все еще, может быть, не найдено. Трудно сказать, что произошло далее: то ли к перу прицепилась какая-то соринка, то ли Пушкин сменил перо (а при этом возможен даже некоторый перерыв в работе), — но завершающая правка строки несколько отличается от того, как было написано «Предрассуждений».

Так получился стих:

Иль предрассудков раб послушной.

До сих пор ни на одном этапе работы над строфой тире между словами «тиран» и «льстец» не связывалось с написанным выше «Предрассуждений» и не выступало его заместителем. Однако не могло ли оно приобрести это значение, когда в последнем стихе «Предрассуждений» было исправлено на «Предрассудков»? Если бы подобное произошло (как получается по С. А. Фомичеву), то Пушкину обязательно потребовалось бы, можно с большой уверенностью предполагать, как-то показать такое изменение и единственным, кажется, способом это сделать был бы знак вставки. Наконец не может не вызвать сомнений само сочетание «предрассуждений льстец». В его обоснование С. А. Фомичев приводит следующий аргумент: «„Предрассуждения“ и „предрассудки“ — несомненно, синонимы, но первое слово принадлежит к лексике высокой: ср. в оде „Вольность“»:

Везде неправедная власть
В сгущенной мгле предрассуждений
Воссела...»⁵⁹

Это рассуждение не только не устраняет имевшиеся, но и рождает новые недоуменные вопросы, на которые не находится вразумительных ответов. Почему, когда в соседних строках оказались почти одинаковые слова («предрассуждений» и «предрассудков»), Пушкин не сделал даже попытки найти замену одному из них? Если это была сознательная стилистическая установка, то чем она была вызвана именно в этой строфе, коль скоро нигде более в послании высокий стиль не употреблен? Почему именно к слову «раб» подобрано определение «среднего» (или «низкого»?) стиля, а к слову «льстец» — высокого? Значит ли это, что, в представлении Пушкина, льстец «возвышеннее» раба?⁶⁰ Вообще, принадлежит ли существительное

⁵⁹ Фомичев С. А. Указ. соч. С. 37.

⁶⁰ Уместно в связи с этим вспомнить:

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу...

(«Друзьям», 1828; Акад. III, 90)

«предрассуждений» к высокому стилю или может употребляться в разных стилях? Например:

Кому не скучно лицемерить,
Различно повторять одно,
Стараться важно в том уверить,
В чем все уверены давно,
Всё те же слышать возраженья,
Уничтожать предрассужденья,
Которых не было и нет
У девочки в тринадцать лет!

(«Евгений Онегин», IV, 8)

Если действительно второе (а так, кажется, и обстоит дело), то теряет силу единственный аргумент С. А. Фомичева в объяснение предполагаемого им употребления Пушкиным в соседних строках слов, не только синонимичных по значению, но и в большей своей части совпадающих по звучанию и написанию. И главное: возможно ли сочетание «предрассуждений льстец»? Кто такой «раб предрассудков», понятно: человек, который им слепо верит и, не размышляя, им следует. Предрассуждения (т. е. те же предрассудки) можно разделять, поощрять, поддерживать, питать и др., но можно ли им льстить? Встречается ли подобное словоупотребление в русском языке?⁶¹ Не имея ответов на все эти вопросы, нельзя признать допустимой конъектуру С. А. Фомичева.

Вторым спорным моментом, требующим обстоятельного анализа, является включение в текст послания «Ты прав, мой друг, напрасно я презрел...», как оно печатается последние шесть десятилетий, двух строф, написанных в другом месте первой кишиневской тетради.

⁶¹ П. А. Словцов употребил следующее словосочетание:

Народу подлому довлеет быть рабом,
Ты, гордый мыслью, будь *тиран предрассуждений*

(Поэты 1790–1810-х годов / Вступ. ст. и сост. Ю. М. Лотмана. Л., 1971. С. 56; курсив мой. — В. Р.).

История вопроса начинается с Л. Н. Майкова, указавшего в комментарии к стихотворению, что «в той же рукописи <...>, на л. 36 об. находится еще несколько стихов, по-видимому, принадлежащих к той же пиесе или составляющих вариант к ней».⁶² Публикуя набросок, о котором шла речь, он придал ему вид более или менее связного текста, включив в него ряд зачеркнутых слов и строк и расставив по-своему знаки препинания.⁶³

Признаки, на основании которых Л. Н. Майков установил связь между наброском «Красы лаис, заветные пиры...» и посланием «Ты прав, мой друг, напрасно я презрел...», очевидны и убедительны: общие мотивы разочарования жизнью и охлаждения к ее радостям, один и тот же редкий для Пушкина стихотворный размер и записанные на л. 57 об. после строфы *Е(Д)* полтора стиха строфы *П*:

Разоблачив пленительный кумир
Я вижу

(См. выше, с. 189, 193).

Немедленно последовал первый опыт сведения двух стихотворений в одно целое. П. А. Ефремов поместил «дополнительные» строфы *Н*, *П*, *Р* в конец, после строфы *М* («Везде ярем, секира иль венец...»), устранив из текста Л. Н. Майкова скобки,

⁶² Майков Л. Н. Материалы для академического издания сочинений А. С. Пушкина. СПб. 1902. С. 176.

⁶³ Например, у Л. Н. Майкова строфа *Н* имеет вид:

Красы Лаис, заветные пиры
И клики радости безумной,
И мирных муз минутные дары
И лепетанье славы шумной,
(Все скучно мне....)

Упорядочение рисунка строфы по тому образцу, которому следовал Пушкин в послании, правомерно и не вызывает возражений. Присоединение зачеркнутых слов придает строфе законченность и обеспечивает плавный переход мысли к следующей строфе. Однако эти слова взяты из первого, отвергнутого слоя начального стиха строфы *П*, и выделение их в отдельную, промежуточную строку не может быть признано допустимым.

обозначающие зачеркивания, изменив пунктуацию и напечатав четвертый стих строфы *P* в его предпоследнем варианте («И сам с собой я лицемерил»)⁶⁴ Механическое соединение текстов не дало искомого результата — цельного, связного произведения, а лишь образовало «привесок», в котором повторялись уже прозвучавшие мотивы. В дореволюционном академическом издании В. Е. Якушкин и П. О. Морозов, согласившись с Л. Н. Майковым относительно принадлежности «отрывка» «Красы лаис, заветные пиры...» к посланию «Ты прав, мой друг, напрасно я презрел...», напечатали его тем не менее, учтя неудачный опыт П. А. Ефремова, как отдельное стихотворение «только потому, что в рукописи <он> находится 20-ю листами ранее».⁶⁵

Новую попытку соединить тексты предпринял В. Я. Брюсов. Запись на л. 57 об. полтора стихов он истолковал как указание места написанной на л. 36 об. строфы *П* и соответственно включил ее в послание «Ты прав, мой друг, напрасно я презрел...» между строфами *E(Д)* и *Ж*:

Свою печать утратил резвый нрав,
 Душа час-от-часу немеет
 В ней чувств уж нет. Так легкой лист дубрав
 В ключах Кавказских каменеет.

Разоблачив пленительный кумир,
 Я вижу призрак безобразный...
 Но что ж теперь тревожит хладный мир
 Души бесчувственной и праздной?

Ужели он казался прежде мне
 Столь величавым и прекрасным?
 Ужель в разврата глубине
 Я наслаждался сердцем ясным?⁶⁶

Брюсовское толкование записи полтора стихов правдоподобно и допустимо, но не учитывает того важного обстоятельства, что они были Пушкиным зачеркнуты и тем самым было оставлено намерение включить в послание строфу «Разоблачив пленительный кумир...». Характерно, что, как только эти полтора стиха были написаны, мысль Пушкина ушла от них куда-то в сторону и вылилась в фрагмент: «Как бьется лань пронзенная стрелой И силится», — которому нигде в известных нам замыслах того времени не нашлось применения, хотя он и помечен знаками переноса в другое место.

Когда Пушкин начал (возможно, после некоторого перерыва, обозначенного длинным отчерком?) писать строфу *Ж* («Ужели он казался прежде мне...»), между нею и предыдущей возник смысловой разрыв, образовавшийся как результат отсутствия связующего звена. Кого или что подразумевает местоимение «он», стало непонятно. Казалось бы, разоблаченный кумир как нельзя лучше подходит в данном случае; тем не менее отвергнутая Пушкиным строфа в том виде, как мы ее знаем, отнюдь не заполняла пробел. Если первые два ее стиха более или менее логично смыкаются с предыдущей строфой, то третий и четвертый («Но что ж теперь тревожит хладный мир Души бесчувственной и праздной?») содержат вопрос, на который и должна была бы отвечать следующая строфа или же его продолжать. В соответствии с планом (см. выше, с. 187), где были намечены пункты (строки) «Ко всему охладел» и «Ветренный я стал бесчувствен», следует ожидать ответа, что ныне, после всех разочарований, «хладный мир» «бесчувственной души» не волнуется ничто. Вместо этого заданный вопрос как бы игнорируется и замещается новыми, хорошо примыкающими к первым двум стихам. Из этого вытекает, что если бы Пушкин сохранил строфу *П* в составе послания «Ты прав, мой друг, напрасно я презрел...», ее третий и четвертый стихи подлежали бы изменению или строфа *Ж* начиналась бы и развивалась иначе.

Смысловой разрыв получился резким, сильно осязаемым, и Брюсов, сам поэт, вряд ли его не замечал. Остается, следовательно, предположить, что у него было свое объяснение, нейтрализовавшее возникающее ощущение «нестыковки». Может быть, он полагал, что вопросы, задаваемые в строфе «Ужели

⁶⁴ Пушкин А. С. Соч. / Ред. П. А. Ефремова. СПб., 1905. Т. 8. С. 188–190.

⁶⁵ Пушкин А. С. Соч. СПб.: Имп. Акад. наук, 1912. Т. 3. С. 33; Примеч. С. 47–48, 106.

⁶⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. / Ред., вступ. статьи и коммент. В. Брюсова. М., 1919. Т. 1. Ч. 1. С. 188.

он казался прежде мне...», и есть ответ на вопрос предыдущей строфы, т. е. лирического героя волнует, как мог он восхищаться «призраком безобразным» и видеть в нем «пленительный кумир». Подобное восприятие строфы не приходит естественно, плавно, без усилий, как следует ожидать в жанре послания, и требует изошрения мысли, додумывания за автора. Маловероятно, чтобы в *послании* Пушкин добивался такого эффекта и вкладывал здесь такой смысл. Если так рассуждал Брюсов, это была лишь конъектура, причем весьма натянутая.

В свете всех этих соображений решение Брюсова должно быть признано в крайней степени сомнительным. Другая же его новация представляется полным текстологическим абсурдом. Начав посланием «Ты прав, мой друг, напрасно я презрел...» подборку, озаглавленную им «Наброски элегий» 1821–1823 годов, и обозначив его цифрой «I», он после строфы *И* (по его счету девятой) напечатал под цифрой «II» полностью набросок «Красы Лаис, заветные пиры...», а далее под цифрой «III» продолжил послание со строфы *К* («Я говорил пред холодной толпой...»). При этом, будучи разделены на три, казалось бы, самостоятельных наброска, эти отрывки имеют общую нумерацию строф, которых насчитывается таким образом шестнадцать. Поскольку же строфа «Разоблачив пленительный кумир...» использована в первом наброске, во втором, куда она входит по принадлежности, она повторена с изменением первого стиха, в качестве которого взят один из ранних, зачеркнутых его вариантов:

Всё скучно мне, я обнажил кумир...⁶⁷

Это придало наброску некоторую внутреннюю стройность, но никоим образом не сообщило убедительности алогичным действиям Брюсова.

Редакторы «Полных собраний сочинений» А. С. Пушкина, вышедших в 1930-е годы (начиная с издания «Красной нивы»), проявляли осторожность, «учитывая отсутствие точных указаний Пушкина»,⁶⁸ и, отказавшись от попыток создать «свод-

ный» текст, печатали набросок «Красы Лаис, заветные пиры...» как отдельное стихотворение. Однако текстологические манипуляции Брюсова не были полностью дискредитированы. И. Н. Медведева признала правильным его «решение задачи с начатой в черновике послания строфой „Разоблачив пленительный кумир“»⁶⁹ и перенесла это решение в подготовленный ею текст послания со всеми, естественно, свойственными ему недочетами и ошибками, детально разобранными выше. Одну из них — нестыковку между вопросом, завершающим вставленную строфу, и отсутствием ответа на него в следующей строфе — она, видимо, сознавала и попыталась ее сгладить пунктуацией. В строфе *Л* в конце второго и четвертого стихов Пушкин поставил тире — универсальный знак, который у него мог заменять любой из знаков препинания, а также приобретать собственное значение; в строфах *Ж* и *И* пунктуация в конце стихов вообще отсутствует. Подобное состояние автографа открывает широкие возможности для интерпретации, что и произошло на самом деле:

Разоблачив [пленительный] кумир,
а. Я вижу призрак безобразный...
б. Я вижу призрак безобразный.

Медведева 1938, 1940⁷¹
Медведева 1949,
Томашевский

Но что ж теперь тревожит холодный мир
Души бесчувственной и праздной?⁷⁰

Ужели он казался прежде мне
Столь величавым и прекрасным,

Медведева (все изд.),⁷²
Томашевский

Ужели в сей позорной глубине
а. Я наслаждался сердцем ясным.
б. Я наслаждался сердцем ясным!

Медведева 1938⁷³
Медведева 1940, 1949,
Томашевский

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Медведева И. Н. Пушкинская элегия 1820-х годов... С. 55.

⁶⁹ Там же. С. 54–55.

⁷⁰ Все текстологи, кроме Л. Н. Майкова, поставившего точку.

⁷¹ Вслед за П. А. Ефремовым и В. Я. Брюсовым.

⁷² Все предшествующие текстологи поставили здесь «?».

⁷³ Все предшествующие текстологи поставили здесь «?».

Что ж видел в нем безумец молодой,	Медведева (все изд.), ⁷⁴ Томашевский
а. Кого любил, к чему стремился,	Медведева 1938, 1940 ⁷⁵
б. Чего искал, к чему стремился,	Медведева 1949, Томашевский
Кого ж, кого возвышенной <душой>	
а. Боготворить не постыдился?	Медведева 1938, ⁷⁶ Томашевский
б. Боготворить не постыдился!	Медведева 1940, 1949

Замена вопросительных знаков, поставленных, при отсутствии авторской пунктуации, предыдущими редакторами, на восклицательные придала вопросу: «Но что ж теперь тревожит хладный мир Души бесчувственной и праздной?» — оттенок риторичности, а восклицания приобрели видимость ответов. Вероятно, И. Н. Медведева склонилась к той интерпретации строфы «Ужели он казался прежде мне...», которую, как говорилось выше, можно *предположительно* допустить у Брюсова. Во всяком случае, поиски исследовательницей все более «совершенной» пунктуации обнажают скрытый механизм принятия ею решения: сначала строфе *П* было определено место в послании «Ты прав, мой друг, напрасно я презрел...», а затем велась «подгонка», без которой строфа на это место не становилась.

Если включение строфы «Разоблачив пленительный кумир...» в текст послания и определение для нее положения имело некоторое основание и может правомерно служить предметом текстологической дискуссии, то касательно строфы *Н* («Красы лаис, заветные пиры...») нет никаких на этот счет авторских указаний. И. Н. Медведева нашла ей место «по смыслу» — между строфами *А* и *Б*. Поставив в конце *А*, где отсутствует знак препинания, запятую, а вставленную строфу *Н*, где конечного знака также нет, завершив точкою, она (или, может быть, ре-

⁷⁴ Все предшествующие текстологи поставили здесь «?».

⁷⁵ В. Я. Брюсов употребил здесь «?».

⁷⁶ Л. Н. Майков, В. Е. Якушкин и П. О. Морозов употребили точку; П. А. Ефремов и В. Я. Брюсов — вопросительный знак.

дактор второго тома академического «Полного собрания сочинений») объединила их в смысловой и синтаксический комплекс внутри стихотворения.⁷⁷ Смысловая связь была таким образом установлена, но добавленная строфа прервала опорную анафорическую структуру («Я знал») четырех строф послания (*А*, *Б*, *В*, *Г*). Допустил ли бы это Пушкин, вызывает большие сомнения.

И. Н. Медведева полагала, что строфы на л. 36 об. были набросаны в перерыв, сделанный Пушкиным на л. 57 после строфы *В* («Я знал любовь...»), оканчивающейся стихом: «Очарованьем, упоением —». ⁷⁸ Если согласиться с этим далеко не бесспорным выводом, к которому исследовательница пришла в ходе «анализа основного черновика»,⁷⁹ то складывается следующая картина творческого процесса. Открыв «первый попавшийся свободный лист»,⁸⁰ Пушкин пишет три строфы (*Н*, *П*, *Р*), из которых две еще не имеют адреса (полуторастиише «Разоблачив пленительный кумир Я вижу» появится позже, на л. 57 об.) и заготавливаются впрок, но первой (*Н*) уже предназначено место. Она должна его занять в ряду трех строф (*А*, *Б*, *В*), в которых последовательно употребляется анафора «Я знал»; более того, в первой же строфе (*Г*), написанной по возвращении на л. 57 после этого перерыва, анафора снова будет соблюдена, и ряд увеличится до четырех. В этом окружении строфа без анафоры выглядит инородным вкраплением. Странно и то, что ни в одном зачеркнутом варианте это «Я знал» не фигурирует, т. е. со стороны Пушкина не было сделано даже попытки устранить возникавшую несогласованность.

⁷⁷ Примечательно, что это решение было найдено не сразу. Сначала, в газетной публикации, строфы заканчивались: первая (*А*) — запятой; вставленная (*Н*) — точкою с запятой; следующая (*Б*) — точкою с запятой (на месте авторского тире); последняя в комплексе (*В*) — точкою (на месте авторского тире). В статье комплекс расширен до пяти строф: первая кончается запятой, как и ранее; вставная (*Н*) — запятой; следующие две (*Б*, *В*) — авторскими тире, о значении которых читателю предложено догадываться самому; пятая (*Г*) — точкою (на месте авторского тире).

⁷⁸ Медведева И. Н. Пушкинская элегия 1820-х годов... С. 54.

⁷⁹ Там же. С. 53.

⁸⁰ Там же. С. 54.

Еще одна «неувязка» создается повторением в смежных строфах близких, почти синонимичных образов: «досуг, беспечных муз удел» и «мирных муз минутные дары». Можно, разумеется, предположить, что при окончательной доработке стихотворения, если таковая состоялась бы, это повторение было бы устранено, а появилось оно потому, что, сочиняя строфу «Красы лаис, заветные пиры...», Пушкин-де не справлялся с текстом строфы «Ты прав, мой друг, напрасно я презрел...», за которой ей предназначалось занять место. В этом случае, однако, исчезает всякая уверенность в том, что между этими строфами задумывалась связь. Если же не принять подобное предположение, то повторение образов находит только одно объяснение, равнозначное предыдущему выводу: строфа «Красы лаис, заветные пиры...» не связывалась в творческом сознании Пушкина с первой строфой послания.

Взвешивая все доводы pro et contra решения И. Н. Медведевой относительно строфы «Красы лаис, заветные пиры...», следует обратить внимание на вариант текста, существовавший какое-то время в первом слое перехода от нее к строфе «Разоблачив пленительный кумир...»:

Красы лаис, заветные пиры
И клики радости безумной
И мирных Муз минутные дары —
И лепетанье славы шумной
Все скучно мне — я об<нажил кумир> <?>⁸¹

Совершенно очевидно, что если бы Пушкин писал строфу «Красы лаис, заветные пиры...» в продолжение строфы «Ты прав, мой друг, напрасно я презрел...», такой вариант не мог бы сложиться даже мимоходом, так как он нарушает весь ход мысли, наметившийся в уже сочиненных на л. 56 об. — 57, как считала И. Н. Медведева, строфах *А*, *Б* и *В*. Это самый сильный контраргумент, в свете которого обнаруживается, что если работа над посланием велась в последовательности предполагаемой (но не доказанной!) И. Н. Медведевой, то место в нем строфы *Н* определено ею неверно.

К тому же выводу, но оперируя другими соображениями, пришел С. А. Фомичев. В его изложении, правда, трудно понять, в какой момент Пушкин перешел на пробельный л. 36 об. С одной стороны, говорится, что работа над посланием была на нем продолжена после того, как на л. 58 была набросана (но не завершена) строфа *М*, а следовавшие далее чистые листы оставлены, вероятно, для беловика послания.⁸² С другой стороны, утверждается, что с добавлением строф, записанных на л. 36 об., была связана перекомпоновка текста послания, включавшая и перестановку местами, на л. 57 — 57 об., строф *Е(Д)* и *Д(Е)*,⁸³ а она в свою очередь проводилась в перерыв, наступивший между строфами *Д(Е)* и *Ж*, когда, написав стихотворные фрагменты «Разоблачив пленительный кумир Я вижу», «Как бьется лань, пронзенная стрелой, И силится» и отчеркнув их длинной линией, Пушкин какое-то время не приступал к строфе *Ж*.

Когда бы ни были написаны строфы на л. 36 об., их местоположение в послании было, по мнению С. А. Фомичева, «намечено ранним (т. е. им предшествовавшим. — *В. Р.*) наброском строфы „Разоблачив пленительный кумир Я вижу...“».⁸⁴ Оставлено без разъяснения, что означало зачеркивание этой «ранней» заготовки вставляемой строфы. Не замечен и не проанализирован вариант, в котором, казалось бы, намечался удачный переход от строфы *Н* к *П*:

Все скучно мне — я об<нажил кумир>.

Между тем, получи этот вариант развитие, обе строфы очень хорошо примкнули бы в своей прямой последовательности к предыдущему тексту, кончавшемуся стихом «В ключах Кавказских каменеет». Однако произошло другое: Пушкин разрушил связь между строфами, оставив при этом первую (*Н*) незаконченной по смыслу и подчеркнув их обособленность друг от друга фигурной скобкой, поставлен-

⁸² Фомичев С. А. Указ. соч. С. 33.

⁸³ Там же. С. 34.

⁸⁴ Там же.

⁸¹ См. сноску 63.

ной под каждой из них. Все это не может не усилить в очередной раз сомнений относительно предложенной С. А. Фомичевым «привязки» строф *H* и *П* к посланию.

Впрочем, у С. А. Фомичева, как и у его предшественников, которые все видели этот вариант, никаких сомнений не возникло. Продолжив начатые ими поиски места в послании «Ты прав, мой друг, напрасно я презрел...» для строф с л. 36 об., он предложил новое, оригинальное решение вопроса. По его мнению, фигурные скобки обозначают в данном случае перестановку строф местами, а строфа «Красы лаис, заветные пиры...» приобретает в новом своем положении вопросительную интонацию от соседства со строфой «Ужели он казался прежде мне...», которую, в отличие от И. Н. Медведевой, С. А. Фомичев считает тоже вопросительной.⁸⁵ Таким образом, в его интерпретации разбираемый участок стихотворения приобретает следующий вид:

Свою печать утратил резвый нрав,
 Душа час от часу немеет;
 В ней чувств уж нет. Так легкий лист дубрав
 В ключах кавказских каменеет.

Разоблачив [пленительный] кумир,
 Я вижу призрак безобразной.
 Но что ж теперь тревожит хладный мир
 Души бесчувственной и праздной?

Красы Лаис, заветные пиры,
 И клики радости безумной,
 И мирных муз минутные дары,
 И лепетанье славы шумной?

Ужели он казался прежде мне
 Столь величавым и прекрасным,
 Ужели в сей позорной глубине
 Я наслаждался сердцем ясным?⁸⁶

Фигурные скобки, охватывающие *сбоку* группу строк, нередко употреблялись Пушкиным как знак переноса стихов в другое место. Поставленные *под* последней строкой текста и обращенные острием вниз они столь же привычно для Пушкина служили знаком завершения произведения или какой-то его части. Интерпретация их как пометы, применяемой для переноса строфы ниже, вводится в пушкиноведение впервые и требует обоснования фактами, чем С. А. Фомичев пренебрег. Необходимо указать в автографах Пушкина хотя бы один случай, когда в соответствии с подобными скобками была осуществлена реально в более позднем автографе или печатном тексте перестановка частей произведения. До сих пор в пушкиноведческой литературе не было упомянуто ни одного такого примера, и в их отсутствие ничего не остается, как понимать фигурные скобки на л. 36 об. под строфами *H* и *П* в качестве авторской констатации того факта, что текст, задумывавшийся единым стихотворением, в котором строфы объединялись фразой «Все скучно мне», распался на два независимых один от другого четверостишия, причем первое из них перестало выражать законченную мысль.

Если тем не менее согласиться с предложенною С. А. Фомичевым перестановкою строф и с введением их в этой последовательности в послание «Ты прав, мой друг, напрасно я презрел...», то никакого существенного улучшения композиции по сравнению с версией В. Я. Брюсова — И. Н. Медведевой не происходит; напротив, некоторые слабые моменты их решения усугубляются и появляются новые. Вопрос: «Но что ж теперь тревожит хладный мир Души бесчувственной и праздной?» — по-прежнему не получает предусмотренного в набросках плана ответа. К тому же исчезает возможность видеть его в строфе «Ужели он казался прежде мне...». Местоимение «он» ее первого стиха еще более отдалается от существительного «кумир», связь между ними еще более слабеет и смысловой разрыв углубляется. Вопрос, формулируемый в строфе «Красы лаис, заветные пиры...», также не находит ответа и потому превращается в чисто риторический, заданный с неясною целью. В его структуре инородным становится анафорический союз «И»: утвердительная интонация строфы позволяла объе-

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же. С. 35–36.

динить все члены перечисления в одно предложение, завершающееся обобщающим словом, и тогда он был уместен; вопрос требует дизъюнкции, а следовательно союза «Иль».

Итак, любому варианту контаминации текстов могут быть противопоставлены весомые, его разрушающие аргументы, которые в сумме порождают сомнение в справедливости самой исходной посылки текстологов, согласно которой строфы на л. 36 об. предназначались для послания «Ты прав, мой друг, напрасно я презрел...» и к их сочинению Пушкин приступил тогда, когда оно в какой-то части было уже написано. Анализ того, как они создавались, эти сомнения не только не развеивает, но, напротив, укрепляет.

Первую строфу послания Пушкин записал на л. 56 об. сразу набело, с одной лишь поправкою, которая могла быть сделана как по ходу, так и позднее, когда все четверостишие уже легло на бумагу и автор пробегал его лишний раз взглядом, чтобы окончательно его оценить.⁸⁷ Он мог это сделать прежде, чем приступить к второй строфе, но мог и в процессе работы над нею. В этой самой первой записи определилась, без каких-либо пробных поисков, организация строфы (чередование пяти- и четырехстопных ямбов, перекрестная рифмовка, мужская рифма в нечетных стихах и женская в четных) и ее рисунок (отступ четных стихов на два слога от края нечетных строк). Все следующие строфы рождались в напряженных поисках, отразившихся в нескольких слоях правки многих стихов, и это наводит на подозрение, что либо существовал несохранившийся черновик первой строфы, либо Пушкин тщательно ее обдумывал и, лишь когда она сложилась, взялся за перо, начав ею свое послание. Это предположение (в любом из возможных вариантов) тем более вероятно, что подобную строфу Пушкин использовал только в этом стихотворении⁸⁸ и, следовательно,

⁸⁷ Третий стих первоначально читался: «Я знал досуг, беспечности удел»; слово «беспечности» Пушкин переправил на «беспечных Муз», написав новую концовку «ных» и слово «Муз» над зачеркнутой концовкой «ности».

⁸⁸ Медведева И. Н. Пушкинская элегия 1820-х годов... С. 52; Томашевский Б. В. Строфика Пушкина // Томашевский Б. В. Пушкин: Работы разных лет. М., 1990. С. 320–321.

ему могли понадобиться какие-то «прикидки» для того, чтобы выбранная новая для него форма отлилась в готовую строфу.

Примечательно следующее обстоятельство. Как бы трудно ни шла работа над каждой строфой, какой бы обильной и сложной ни была правка и как бы она ни искажала очертания строфы неизбежными записями над и под строкою и выходами за ее пределы, в исходных набросках везде соблюдается отступ четных стихов и тем самым принятый рисунок. Ни в одном из черновых вариантов не нарушается схема чередования размеров; есть неполные (незавершенные) варианты, но они не могут рассматриваться как отступление от этой схемы.

Отметив эти существенные особенности автографа послания «Ты прав, мой друг, напрасно я презрел...», посмотрим, что получилось у Пушкина, когда он (если согласиться с И. Н. Медведевой и С. А. Фомичевым) после некоторого перерыва вернулся к работе над стихотворением, продолжив ее на якобы пробельном листе.

Первый же стих новой строфы (Н) нарушает ранее последовательно выдерживавшуюся схему; вместо пятистопного ямба строфа начинается четырехстопным:

а. Красы лаис, пиров бокал

Поправками строка будет приведена к пятистопному ямбу

б. Красы лаис, торжественн<ы> <?>⁸⁹ пиры

в. Красы лаис, заветные пиры

Однако любопытно, что Пушкин ее начал, отступив от левого края листа значительно далее, чем делал это с первыми (пятистопными) строками, начиная строфы послания. Записать пятистопную строку ему хватало здесь места и при подобном увеличенном удалении от края листа, но отступить, как того

⁸⁹ Предположительное чтение И. Н. Медведевой. Слово написано явно четырехсложное, так что независимо от того, правильно ли оно прочитано или нет, пятистопный ямб оформляется уже в этом варианте.

требовал рисунок, еще на два слога в следующей (четырёхстопной) строке он бы не смог, так как для нее осталась бы недостаточная ширина. Следовательно, на этой стадии еще, вероятно, не предполагалось чередование размеров и стихи, которым предстояло лечь на пробельную страницу, мыслились почему-то, в разительное нарушение уже принятой и опробованной схемы, все четырёхстопными. Это подтверждается тем, что вторая строка начата строго на одной вертикальной линии с первой. В свою очередь из этого следует, что правка, преобразовавшая первый стих из четырёхстопного в пятистопный, велась после того, как была написана вторая строка. Итак, на листе появилось два стиха:

Красы лаис, пиров бокал
И клики радости безумной,

Следующая строка требует особо внимательного анализа. В своем окончательном виде она читается:

И мирных Муз минутные дары —

Слово «Муз» расположено точно на одной линии по вертикали с начальными словами двух предыдущих строк, т. е., судя по этому графическому признаку, именно с этого существительного мог бы начинаться третий стих, но в этом случае произошел бы сбой размера:

Муз минутные дары —

Находящийся слева союз «И» восстановил бы четырёхстопный ямб («И Муз минутные дары»), если бы это слово не было вынесено сильно влево, а прилагательное «мирных» не было бы прижато к нему и к начальной букве слова «Муз», т. е. не втискивалось бы в пробел между ними. Союз «И» расположен приблизительно на таком же расстоянии от края листа, на каком Пушкин начинал нечетные (пятистопные) стихи, так что естественно задать вопрос, не был ли этот стих изначально задуман пятистопным с оставленным пробелом для ненайденного двусложного слова:

И <пропуск> Муз минутные дары —

Ответ был бы однозначно утвердительным, если бы прилагательное «минутные» не было вычеркнуто, а затем восстановлено, т. е. если бы какое-то время не существовал вариант:

И мирных Муз <пропуск> дары — ,

который допускает два толкования.

Первое. По какой-то причине Пушкин решил заменить слово «минутные» другим, также четырёхсложным, но, не найдя подходящего, вернулся к исходному. В этом случае первым вариантом стиха было «И <пропуск> Муз минутные дары», т. е. уже на этой стадии предусматривался пятистопный ямб, а вынос «И» был намеренным для создания рисунка строфы с чередующимися размерами. Если так обстояло дело, то первая строка могла быть изменена из четырёхстопной в пятистопную и до того, как Пушкин приступил к третьей, и в процессе работы над нею, и даже по ее завершении, на переходе к четвертой. Для дальнейших рассуждений важно, что преобразование было сделано *не ранее* перехода от второго стиха к третьему.

Второе. Слово «минутные» вычеркивается потому, что при появлении прилагательного «мирных» образовалось два лишних слога, которые следовало убрать для соблюдения единства размера (четырёхстопного) с предыдущими двумя стихами. В этом случае сочинение рассматриваемого стиха не могло начаться с союза и оставляемого за ним пробела, и, следовательно, стих прошел варианты:

- а. Муз минутные дары —
- б. И мирных Муз <пробел 2 слога> дары —
- в. И мирных Муз минутные дары —

При таком раскладе вариантов третьего стиха преобразование первой строки в пятистопную могло произойти только позднее стадии «б», которая была четырёхстопной. Однако уже, вероятно, на стадии «а» или самое позднее «б» должна была подбираться рифма к «дары», из чего вытекает, что какое-то время четверостишие, может быть, имело вид:

Красы лаис, <пробел 2 слога> пиры
И клики радости безумной,
И мирных Муз <пробел 2 слога> дары
И лепетанье славы шумной

Создав этот остов, Пушкин стал подыскивать недостающие двусложные слова, но что-то его остановило — возможно, присутствие в третьем стихе пусть и зачеркнутого слова «минутные», которое озарило внезапным оригинальным решением чередовать размеры. Это прилагательное восстанавливается, подбирается слово для первого стиха,⁹⁰ и организация четверостишия завершается. Правда, из-за того, что она определилась лишь в процессе работы над отдельными стихами,⁹¹ рисунок еще не установился, однако уже на переходе к следующему стиху он будет обозначен.

Как бы ни развивалось четверостишие: по первому рассмотренному вероятному сценарию или по второму, — процесс сочинения разительно отличается от того, как он шел на л. 56 об. — 58 над посланием «Ты прав, мой друг, напрасно я презрел...». То, как складывалось анализируемое четверостишие, мало похоже на *продолжение* работы над стихотворением с устоявшейся и многократно уже воспроизведенной строфической организацией. Больше это напоминает некий предшествующий набросок. Это впечатление подтверждает и второе четверостишие (II), записанное на л. 36 об.

Полтора стиха («Разоблачив пленительный кумир Я вижу»), которыми, как предполагается, обозначена связь этого четверостишия с посланием и указано его место, записаны на л. 57 об. без единой поправки, и это говорит о том, что к этому моменту они уже четко сложились. Они же представляют собой последний слой первых двух строк четверостишия II, как оно было оставлено на л. 36 об., но с присутствием зачеркнутого там прилагательного «пленитель<ный>». Между тем для

⁹⁰ См. варианты «б» и «в» на с. 223.

⁹¹ Этим устанавливается независимость пушкинского стихотворения от думы К. Ф. Рыльева «Борис Годунов» (1822), где употреблена та же строфа. Б. В. Томашевский считал, что «совпадение, причина которого неясна, может быть не случайно» (*Томашевский Б. В. Строфика Пушкина*. С. 321).

того, чтобы прийти к этому тексту на л. 36 об., Пушкину понадобилось опробовать несколько вариантов.⁹²

Сначала возникает переход «Все скучно мне — я об<нажил кумир> <?>».⁹³ Между этим стихом и предыдущим Пушкин не поставил никакого разделительного знака, и расстояние между ними по вертикали несколько не увеличено по сравнению с межстрочными интервалами в уже написанном четверостишии. Эти признаки говорят о том, что на данном этапе определилось, видимо, только чередование размеров и расположение стихов, но не деление на строфы, а, как уже было сказано, приступая записывать послание «Ты прав, мой друг, напрасно я презрел...», Пушкин имел четкое, окончательно сложившееся представление о строфической организации начатого стихотворения и каждая строфа содержала у него законченную мысль. Далее работа над пятым и шестым стихами протекала, вероятно, так:

- б. *Начато*: Но я
в. Но обнажив [пленитель<ный>] кумир,
Увидел призрак безобразной —
г. В них обнажив [пленитель<ный>] кумир,
Увидел призрак безобразной —
д. Разоблачив [пленитель<ный>] кумир,
Я вижу призрак безобразной —

Только в пятом варианте Пушкин пришел на л. 36 об. к тому, что на л. 57 об. записано без единой поправки. Этим ставится под сильное сомнение предположение (правильнее сказать — постулат), согласно которому три строфы на л. 36 об. были написаны в *продолжение* работы над посланием. Напротив, больше оснований заключить, что полтора стиха на л. 57 об. повторяли начало *уже сочиненной* строфы, «примыряемой» к посланию, но в конечном итоге отвергнутой.

Таким образом, существуют важные признаки, обнажающие ложность главной посылки, из которой исходили В. Я. Брюсов,

⁹² В том виде, как варианты этого четверостишия представлены И. Н. Медведевой (Акад. II, 782), они вызывают ряд вопросов, которые требуют обстоятельного рассмотрения.

⁹³ См. выше с. 218.

И. Н. Медведева и С. А. Фомичев при установлении текста послания «Ты прав, мой друг, напрасно я презрел...». Первыми были написаны стихи на л. 36 об., причем в самом начальном варианте перехода от четвертого к пятому строфическое деление еще не намечалось, хотя чередование размеров уже установилось. Затем смысловая и синтаксическая связь между стихами 1–4 и 5 разрушилась, образовались две строфы, из которых первая осталась в смысловом отношении незавершенной. После некоторого перерыва или заминки⁹⁴ Пушкин стал работать над третьей; хотя для нее были найдены рифмы и варианты всех четырех стихов, она, в конечном счете, не сложилась, так что после всех проб и зачеркиваний от нее остались лишь два первых стиха.

Принять ли исходное положение строф, т. е. ту последовательность, в которой над ними шла работа и они записаны на странице, или согласиться с предложенным С. А. Фомичевым толкованием фигурных скобок и переставить две строфы местами, ни в том, ни в другом случае не получается связного стихотворного текста, любая комбинация дает лишь предварительный набросок какого-то задуманного стихотворения, состоящий из неполных трех строф, в которых более угадывается, нежели сколь-либо отчетливо звучит сквозной мотив, потенциально способный их объединить в некое целое. Никаких признаков того, что в будущем их предполагалось развить в послание, они не несут, и это является достаточным основанием печатать их в виде самостоятельного наброска задуманного и неосуществленного стихотворения, как они печатались в изданиях 1930-х годов. Если не согласиться с этим решением и продолжать считать эти строфы принадлежащими к посланию, то печатать их следует в отделе «Другие редакции и варианты» в качестве предварительных набросков, не поддаваясь искушению найти им место в тексте послания, так как от этого мимолетного намерения Пушкин сам отказался.

⁹⁴ В это время рисуется профиль, определяемый как портрет Дегильи (*Жуйкова Р. Г.* Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций. СПб., 1996. С. 156. № 343). О том, что этот портрет предшествовал работе над третьей строфой, говорит сдвиг вправо от него первой ее строки, которая при иных условиях начиналась бы на уровне стиха «Но что ж теперь тревожит хладный мир...».

В заключение уместно напомнить тонкое замечание В. В. Виноградова: «Текстолог, подобно влюбленной женщине, нередко видит то, что ему хочется и чего в действительности нет».⁹⁵

Приложение

XI Всесоюзная Пушкинская конференция

Из доклада Ю. Г. Оксмана

«О некоторых текстологических и композиционных особенностях академических изданий Пушкина».

Занятые работой текстологической, занятые чтением Пушкина, мы все, и я себя не отделяю от других пушкиноведов, мы не продумали принципа композиции ни в академическом издании, ни во всех изданиях, следующих за ним, мы пустили дело на самотек, не удержав в своих руках, и вернулись к тому, с чего начали, а мы начинали с борьбы с ненапечатанием стихотворений Пушкина.⁹⁶

Генетика текста Пушкина связана с работой Щеголева, посвященной публикации новых произведений Пушкина.⁹⁷

Шляпкин дописывал пушкинские стихи, не поддающиеся разбору или обозначенные в рукописи пустотами, но от такого Шляпкина мы легко огораживались, а от стихов Бориса Викторовича <Томашевского>, Сергея Михайловича <Бонди> и Ивана Васильевича <?>⁹⁸ не так легко, они очень хорошо сделаны.

⁹⁵ Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М., 1959. С. 325.

⁹⁶ Здесь стенограмма явно искажена. Судя по дальнейшему контексту речь шла о борьбе с печатанием «ненаписанных» стихотворений Пушкина.

⁹⁷ Имеется в виду статья П. Е. Щеголева «Ненаписанные стихотворения Пушкина» (Ист. вестн. 1904. № 1. С. 263–274), содержащая критический разбор публикации неизданных стихотворений Пушкина в кн.: Шляпкин И. А. Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПб., 1903.

⁹⁸ По всей видимости, так назвал Оксман по ошибке Николая Васильевича Измайлова.

Шляпкин не издавал сочинения Пушкина, он не действовал ни в каком коллективе, он выпустил свою работу и имел право на какие угодно реконструкции, догадки, как имел право Сергей Михайлович в своей книге на любое введение в оборот тех или иных редакций.⁹⁹

Одно дело исследовательская работа, а другое — полное собрание сочинений поэта.

И вот мы стали восстанавливать гипотетически, мы восстановили гипотетически эпиграфы,¹⁰⁰ и вместо многих набросков Пушкина появились два огромных послания к Раевскому, причем в последнем издании Пушкина 1956 г.¹⁰¹ в стихотворениях сняты не только леса, но сняты все гипотетические атрибуты и за Пушкина дописали.

Вот как читалось восстановленное в академическом издании послание к Раевскому, составленное из пушкинских фрагментов, плохо прочитанных строчек:

Ты прав, мой друг, напрасно я презрел...
(ц и т а т а)

И кончается так:

Везде ярем, секира и венец,
А человек везде тиран иль льстец!¹⁰²

Я обалдел, когда прочитал «Послание Раевскому», такое законченное, ни одного непрочитанного слова! Все слова на месте, 14 стро<ф>, а мы знали, что там 6.¹⁰³ Концовки там не

⁹⁹ Имеется в виду кн.: *Бонди С. М.* Новые страницы Пушкина: Стихи, проза, письма. М., 1931.

¹⁰⁰ Ю. Г. Оксман возражал против отнесения эпиграфа «Железной волею Петра / Преображенная Россия. Н. Языков» ко всему роману «Арап Петра Великого», как это делал Томашевский.

¹⁰¹ Речь идет об изд.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. / Ред. Б. В. Томашевский. 2-е изд. М.: Изд-во АН СССР, 1956–1958.

¹⁰² Концовка стихотворения в реконструкции И. Н. Медведевой процитирована здесь неточно.

¹⁰³ В стенограмме ошибка: «14 строк». В реконструкции И. Н. Медведевой стихотворение имеет 12 строф. В составе 6 строф оно печаталось начиная с издания «Красной нивы» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л., 1930. Т. 1. С. 338–339) и во всех следующих изданиях 1930-х гг.

было никакой, только слово «льстец»,¹⁰⁴ а в новом академическом издании она читается полностью без остановок и появляется так:

А человек везде тиран иль льстец,
Иль предрасудков раб послушный.

И нигде не оговорено, что это — талантливое сочинение редактора. Но неужели для Пушкина человек — или тиран, или льстец, или предрасудков раб послушный? Может быть, для Бориса Викторовича это так, но почему мы навязываем свою философию Пушкину?! Пушкин бросил это стихотворение, для него оно было трудно. Имеем ли мы право за него это делать?

Это особенно страшно тем, что сделано знаменитыми учеными первого ранга, гордостью нашей науки, перед которыми читатель склоняет голову. Почему мы на новой основе должны строить свою концепцию!

(С. М. Б о н д и. Кто делал этот текст?)

Текст проверен Б. В. Томашевским. Вероятно его делали Корчагин¹⁰⁵ и Томашевский!

(Смех)

Я хотел проанализировать эти послания к Раевскому и показать, как из чернового наброска, каким мы называем «Послание к Раевскому», рождаются такие произведения как «Демон», «Разговор книгопродавца», «Свободы сеятель» и т. д. Но это не вносит ничего принципиально нового, и мы когда-нибудь займемся этим вопросом за круглым столом.

Мне кажется, что мы не можем дольше молчать, не можем разрешать вульгаризацию публикаций произведений и, закры-

¹⁰⁴ До реконструкции И. Н. Медведевой последней строфой было:

Свою печать утратил резвый нрав.
Душа час от часу немеет,
В ней чувств уж нет. Так легкий лист дубрав
В ключах кавказских каменеет.

Говоря о слове «льстец», Оксман имел в виду автограф.

¹⁰⁵ В выходных данных каждого тома значилось: «Под наблюдением редактора издательства А. И. Корчагина».

вая глаза, пускать в оборот новые варианты в собрание сочинений Пушкина.¹⁰⁶

**Из доклада Д. Д. Благого
«Современные типы изданий Пушкина»**

Юлиан Григорьевич очень хорошо сказал, что нельзя давать в одном ряду завершённые произведения и вперемежку давать шедевры и шуточки, или давать произведения полностью завершённые наряду с черновыми набросками, заготовками, брошенными Пушкиным в той или другой стадии творческой над ними работы.

Когда говорят, что античная статуя Венеры Милосской сохранилась без рук и «что же вы руки приделаете как часть торса?», то это разные вещи — там дошло в отрывке, в элементе, а это никогда не существовало.

Давать незавершённые вещи, с точки зрения академического издания, нужно, каждая строчка, написанная Пушкиным, должна быть учтена и драгоценна для каждого читателя, но драгоценна по-иному, а смешивать черновое и недоделанное с завершённым и законченным, конечно, нельзя. Это значит грешить против основного закона искусства.

Сергей Михайлович призывал к чувству художественного вкуса, который должен иметься у каждого литературоведа, без которого литературовед превращается в жалкого педанта. Основной закон, основной организм — это сочлененность, замкнутость всех частей, а когда мы даем наряду с художественным организмом несформированное и еще скрываем, что это незаконченное, — тут прав Юлиан Григорьевич в критике Б. В. Томашевского, который сняв с десятичника все скобки, все незаконченные слова, конъектуры, дал вещи, которые мы воспринимаем как законченные. Это иллюзия! «Англо-собственная фабрика» (как говорил Грибоедов), а не Пушкин!¹⁰⁷

¹⁰⁶ Всесоюзная Пушкинская конференция, 11-я. Стенографический отчет. Второе заседание. Утреннее заседание 4 июня 1959 г. С. 25–28. (Машинопись).

¹⁰⁷ Там же. С. 60.

Из выступления Т. Г. Цявловской на обсуждении докладов

Товарищи, я хочу сказать несколько слов по поводу выступления Ю. Г. Оксмана.

Очень серьезная критика очень серьезного пушкиниста, адресованная и к академическому изданию, и к десятичнику Б. В. Томашевского, должна быть очень внимательно выслушана, взвешена, и все, что будет проверено и принято, нужно будет признать полностью заслугой Юлиана Григорьевича. Но я настаиваю на том, что нужно очень внимательно взвесить все его обвинения.

Признав большую заслугу академического издания, большой вклад в культуру, внесенный академическим изданием Пушкина, он тем не менее построил свою речь как прокурорское обвинение.

Его темперамент, его пафос вели нас к очень страшному впечатлению — что же остается от издания?

Оказалось, что он обратил внимание на 6 ошибок в 20-ти толстых книгах 16-ти томника.

Я хочу их напомнить и о каждом сказать несколько слов.¹⁰⁸

<...>

Но зачем такой страшный испепеляющий тон, что — о ужас! — не догадались. Если у человека появляется догадка, какой не было у его предшественников, то разве надо совершенно истоптать предшественников? Думаю, что это не обязательно!

Юлиан Григорьевич объединяет свои замечания по адресу большого академического издания и малого академического издания, причем я не уловила, но мне кажется, что он только давал понять, что виноват Б. В. Томашевский в том, что сняты скобки с малого академического издания. Кажется, он об этом не говорил, а прямо сказал Дмитрий Дмитриевич <Благой>, что Томашевский в этом виноват.

Неужели Юлиан Григорьевич и Дмитрий Дмитриевич до сих пор не знают, что такое издательство Академии Наук!?

¹⁰⁸ Из выступления Т. Г. Цявловской приводятся далее только те замечания, которые относятся к общим вопросам и непосредственно к стихотворению «Ты прав, мой друг, напрасно я презрел...».

(Смех)

Это ужасное учреждение!

Это ужасная вещь, там во главе отдела классиков находится человек, знаменитый своей анекдотической тупостью и своим патологическим упрямством и невероятной настойчивостью — А. <И>. Корчагин,¹⁰⁹ который отравляет существование всем литературоведам, которые печатаются в издательстве Академии Наук.

Я глубоко убеждена, что по его настойчивым требованиям сняты скобки, потому что де, мол, читатель не поймет, пусть читает прямо.

(Д. Д. Б л а г о й. Тогда скажи в примечании).

Сейчас подготавливается в Москве десяти томное издание Пушкина, во главе находится авторитетная коллегия — Виноградов, Благой, Оксман, Бонди, я в этом издании участвую в примечаниях, в тексте решено все давать без скобок.

(Д. Д. Б л а г о й. Все сказано в примечании).

Какие слова принадлежат Пушкину, что по догадке редактора — читатель не узнает, это обвинение нужно отнести и к себе, и к своему изданию.

<...>

Юлиан Григорьевич упрекает исследователей в том, что издательство выпускает стихи без скобок. В чем же мы виноваты? (Я тут не попадаю в это отношение, к Гослиту я отношения не имею, но чем виноват Борис Викторович?!)

Позволю себе показать то четырехстишие, которое особенно возмутило Юлиана Григорьевича, который сказал, что это психология Томашевского, приписанная Пушкину. Юлиан Григорьевич, конечно, читал все в том виде, как напечатано в академическом издании, и мог бы усмотреть в этих стихах крайнюю степень пессимизма, в какую Пушкин имел несчастье впасть на Юге после многих потрясений. Последнее четырехстишие не выбивается из контекста этого послания.

Я имела счастье общаться с Б. В. Томашевским с 1929 г. до года его смерти, знаю этого благородного человека, абсолют-

¹⁰⁹ В стенограмме второй инициал ошибочно: «Л».

но неподкупной совести, серьезнейшего исследователя, который никогда ни на какие сделки с научной совестью не шел. Мало того, всякое издание Пушкина он осуществлял как новое, пусть это будет 3–4 переиздание, он вновь все проверял по первоисточникам и проверял не механически, как корректор, а как исследователь: нельзя ли улучшить текста, не ошиблись ли мы в чем-нибудь. Поэтому в каждое издание он вносил новое. Когда я бывала в Пушкинском Доме, помню, как он со счастливым лицом выходил и приносил мне свои рукописи, чтоб я прочитала, что «получилось замечательно!» Конечно, могли быть ошибки, но едва ли!

Теперь скажу о четырехстишии конкретно. Вот как это выглядит в рукописи Пушкина (пушу это по рукам и прошу всех посмотреть):

Везде ярем, секира иль венец,
Везде злодей иль малодушный

Дальше ... большие...¹¹⁰

А человек...

Я бы хотела чтобы Вы меня слушали. Юлиан Григорьевич!
(Ю. Г. О к с м а н. Я все это хорошо знаю!)

А человек — зачеркнуто —
Тиран — льстец —
Иль предрассудков раб послушный

Послушайте все, что тут прочитано:

Везде ярем, секира иль венец,
Везде злодей иль малодушный,
Тиран ... льстец (предполагался какой-то эпитет)
Иль предрассудков раб послушный.

Борис Викторович вставил в новое издание «а человек» — зачеркнутые слова, но Корчагин эти скобки снял.

(Ю. Г. О к с м а н. Нельзя все валить на Корчагина).

¹¹⁰ Смысл записи непонятен. Речь должна, видимо, идти о расположенной ниже последнего цитированного стиха строке, где написано одно слово: «Предрассуждений». Следующая строка содержит вычеркнутую запись: «А человек».

Борис Викторович мог позволить себе такую конъектуру, как вы позволяете себе «не слишком счастливый гонитель».¹¹¹

(*Аплудисменты*)¹¹²

Из выступления О. С. Соловьевой на обсуждении докладов

Объективный анализ достоинств и недостатков академического издания был дан в докладе Н. В. Измайлова. Не удержался на этой позиции Ю. Г. Оксман. Некоторые примеры того, как, увлекаясь, Юлиан Григорьевич приписывал Борису Викторовичу строки, которые принадлежат Пушкину, приводила и Татьяна Григорьевна. Конечно, в том, что говорил Юлиан Григорьевич большая доля истины есть. Есть ошибки и просчеты, и их больше, чем было сказано в докладе.¹¹³

Из заключительного слова С. М. Бонди

Несколько слов о выступлении Ю. Г. Оксмана. Мне хочется чтобы ясен был тон и происхождение его горячности, я бы сказал, озлобленного тона и тех несправедливых упреков, о которых хорошо сказала Татьяна Григорьевна.

Товарищи, Юлиан Григорьевич был одним из инициаторов, одним из первоначальных участников, почти хозяев издания. Это было в 1933 г. Он это затевал. Затем в 1937 г. он насильно был вырван из нашей среды, отсутствовал 11 лет, и когда он вернулся, была одна недоделанная работа, потому что исчезла рукопись XI–XII тома и надо было спешно что-то делать. Казалось бы, тут и приложить руки специалисту — Юлиану Григорьевичу! Но ничего нельзя было сделать, сколько мы

¹¹¹ Обыгрывается предложенная Ю. Г. Оксманом конъектура в третьей строке стихотворения «Тургеневу» («Тургенев, верный покровитель...»): вместо «Но слишком счастливый гонитель» — «Не слишком счастливый гонитель».

¹¹² Всесоюзная Пушкинская конференция, 11-я. Стенографический отчет. Второе заседание. Утреннее заседание 4 июня 1959 г. С. 63–66, 69–71.

¹¹³ Там же. Шестое заседание. Утреннее заседание 6 июня 1959 г. С. 49.

ни говорили. Это было запрещено, и нам пришлось этот том взять на себя, взять на себя этот труд и в предельно короткий срок эту работу довести до конца. То чувство обиды, которое у нас существует, что был изъят один из крупнейших работников, оно удесятерилось или даже стократно должно больше существовать в сознании Юлиана Григорьевича! Отсюда его несправедливость, отсюда его горячность!

(*Аплудисменты*).

Очень жаль, что Юлиан Григорьевич не так помогал, как бы хотелось для дела, тем более, что многие его замечания верны (он привел только небольшое количество этих замечаний).¹¹⁴

Из заключительного слова Н. В. Измайлова

Можно указать и на другие замечания Юлиана Григорьевича. Многие из них очень полезны, и мы бы хотели чтобы их было много больше, чтобы Юлиан Григорьевич принял надлежащее участие в дополнительном томе поправок.

<...>

Меня огорчает то, что Юлиан Григорьевич самые резкие замечания направил против текста не академического издания, а позднейшего десятитомника, против работы Б. В. Томашевского. Мне и всем нам хотелось бы, чтобы имя Бориса Викторовича упоминалось у нас не в таком остро-полюемическом тоне! Разумеется, и в работе Бориса Викторовича есть ошибки, есть серьезные ошибки и в десятитомнике. Да, черновое «Послание к лампистам»,¹¹⁵ которое Борис Викторович поместил, напрасно он его ввел в основной текст. С этим можно спорить. Не согласны мы с композицией «Тавриды», которую дал Бо-

¹¹⁴ Там же. С. 59–60.

¹¹⁵ Речь идет о реконструированном Б. В. Томашевским черновом неоконченном стихотворении «В кругу семей, в пирах счастливых...» (*Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 2. С. 28–31*). Иной текст ранее был предложен С. М. Бонди (см.: *Бонди С. М. Неосуществленное послание Пушкина к «Зеленой лампе» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 47–50*).

рис Викторovich. Есть места, которые вызывают возражения. Тем не менее, мне было очень горько слушать обвинения Бориса Викторovichа в «произволе», в «хозяйничаньи» в тексте Пушкина, в том, что он лично, без оснований, как будто легкомысленно, решал текстологические вопросы!¹¹⁶

Из заключительного слова Ю. Г. Оксмана

Товарищи, задачей моего доклада было не сведение смешных личных счетов и не желание вынести на свет кухню работы академического издания на обсуждение Всесоюзной конференции. Это было бы смешно и недостойно.

Моей задачей было показать, что самый большой авторитетный коллективный труд, созданный самими крупными советскими источниковедцами, пушкинистами, литературоведами, не свободен от очень больших ошибок. Моей задачей было показать, что ошибки не только случайны (тот или другой вариант, тот или другой контекст), а имеют принципиальный характер.

Заявление Сергея Михайловича о том, что основным принципом была коллективность, этот принцип или не существовал, или был забыт. Последние томы лишены признаков коллегиальности, это единоличная работа — и вот ее результат!

Моей задачей было указать, что по вине всех нас, в том числе и меня, не был учтен важнейший вопрос структуры томов. Занятые другими, как нам казалось, более важными делами, мы упустили эту сторону вопроса. В результате недоучета композиции томов была допущена громадной важности ошибка: черновая реконструкция текстов, которая явилась результатом громадной тонкой исследовательской работы, которая не поддается аргументации, и все это оказалось втиснутым в канонический текст на равных основаниях. Беда была бы не большая, потому что академическим изданием пользуются специалисты, которым это не страшно, но в последующих изда-

¹¹⁶ Всесоюзная Пушкинская конференция, 11-я. Стенографический отчет: Шестое заседание. Утреннее заседание 6 июня 1959 г. С. 67.

ниях (тут уже вина этих «Корчагиных»!) это все вошло, и тут результаты получились катастрофические, когда были сняты все прямые и круглые скобки, знаки вопроса, тут все наполнила фальсификация.

Возмутительная неправда, что виноват Б. В. Томашевский, но Борис Викторovich чаще других оказывался единоличным хозяином, имел больше возможностей защищать высокие принципы издания и жертвовать ими, может быть, под большим нажимом.

Тут важно то обстоятельство, что академическое издание создавал коллектив, он стоял на позициях текстологии, поэтому в нем не должны быть допущены искажения, которые теперь вылезли налицо не только во втором академическом, а <и> в Гослитовском издании,¹¹⁷ но Гослитиздат и «Советский писатель» могут делать, что хотят, и отвечать за это, а мы должны дорожить авторитетом Академии Наук и особенно бережно обращаться с изданием, на котором стоит марка Академии Наук. Мы приходим и уходим, а Академия Наук остается!!

Я старался показать, что нарушения основных принципов были в издании десятитомника и этим создали площадку-почву для существенных отклонений от подлинного пушкинского текста.

Это мое глубокое убеждение! Я привел примеры, они были очень ограничены, не потому что их у меня не было, но потому что нехорошо бросать тень на товарищей по работе, как бросила на меня Татьяна Григорьевна! Это недобросовестный прием полемики! Вы знаете, что примеров этих очень много (я передаю том прозы, который представляет всего одну десятую текста!) Прием Татьяны Григорьевны был недобросовестным приемом.

Второй пример: автограф Пушкина, в котором не заключалось того, на чем настаивает Татьяна Григорьевна (текст к Раевскому), который является политическим нонсенсом, допу-

¹¹⁷ Речь идет о втором издании «малого» академического десятитомника (см. сноску 115), а также о «Полном собрании сочинений» А. С. Пушкина в 6 томах (М.: Гослитиздат, 1949–1950), о котором критически отозвался Ю. Г. Оксман в письме К. П. Богаевской от 28 мая 1949 г. (см. сноску 40).

ценным Корчагиным. Очень жаль, что в Пушкинском Доме в текст Пушкина вторгается текст Корчагина! Этот демагогический прием недопустим ни при каком споре!

Текст, которым оперировал докладчик, должен подвергнуться спокойному обсуждению, и то, что тут было сделано, меня глубоко огорчило и расстроило.

Н. В. Измайлов отметил, что нам было тяжело, что в этом Доме были допущены такие слова по адресу уважаемого всеми Бориса Викторовича. Кто Вам дал право влезать между мною и Томашевским! Защищать Бориса Викторовича от меня?! С Борисом Викторовичем я был связан многими годами совместной работы и большой принципиальной борьбой. Последнее выступление его в Москве вызвало мое двухчасовое выступление и большие споры.¹¹⁸

Вы, Николай Васильевич, позволили себе сказать такие слова, что «у нас в Пушкинском Доме». Я думал, что тут я — «у себя»! Я тут работал немногим меньше вас и всегда думал, что тут я «у себя», а «не у вас»! Я беседовал с членами дирекции: с Б. П. Городецким, с Б. С. Мейлахом и М. П. Алексеевым, — и никто мне упреков не делал! Я верю, что это была обмолвка, обмолвка, которую не хотел бы слышать.¹¹⁹

Из заключительного слова Т. Г. Цявловской

Во-первых, разрешите сказать несколько слов по поводу обвинения меня Юлианом Григорьевичем в недобросовестности. Два пункта, почему я недобросовестна. Первое то, что я знаю, что у Юлиана Григорьевича отмечено много замечаний, а не только те 6 частных случаев, которые он сообщил здесь. Уже несколько лет Юлиан Григорьевич говорит о своих замечаниях, мы все их очень ждем. Я лично много раз просила Юлиана Григорьевича сообщить, написать статью, передать

¹¹⁸ Речь идет, видимо, о выступлении на обсуждении монографии Б. В. Томашевского «Пушкин» (М., 1956). См. ниже в заключительном слове Т. Г. Цявловской.

¹¹⁹ Всесоюзная Пушкинская конференция, 11-я. Стенографический отчет: Шестое заседание. Утреннее заседание 6 июня 1959 г. С. 69–71.

их в распоряжение редакции. Он говорит, что у него нет возможности этим заняться. В третий раз Юлиан Григорьевич выступает и не удовлетворяет слушателей тем, что многое обещает и не осуществляет свои обещания, первый раз — здесь, второй раз — в Литературном музее, когда обсуждалась книга Б. В. Томашевского «Пушкин», третий раз — на этой конференции. Все три раза выступал и все три раза с огорчением говорил, что многое обещано и мало реализуется. Поэтому упрекать меня в недобросовестности, что я знаю, что много замечаний, и пренебрегаю этим — не знаю, как это можно! Мне кажется, что при всем желании мы не могли ничего добиться от Юлиана Григорьевича, поэтому должна была сказать, что обещано было много, а сделано всего 6 замечаний.

Вторая недобросовестность в том, что я показала рукопись, что на упрек в том, что Б. В. Томашевский ввел полное стихотворение в последнее послание к Раевскому, я аргументировала рукописью Пушкина. Я показала, что там наличествуют все слова. Думаю, что это правильное в академическом издании, где оставлены пробелы. Это вопрос спорный, вопрос научный, и нет никакой демагогии в том, что, передала эту рукопись в зал! Я это должна буду и сейчас сделать!¹²⁰

Обсуждение в Московском гос. музее А. С. Пушкина Собрания сочинений А. С. Пушкина (М.: Гослитиздат, 1959 – 1962)

6 февраля 1963

Из выступления Ю. Г. Оксмана

Широкий читатель получает в значительной мере не Пушкина, а Пушкина в соавторстве с нашими крупнейшими исследователями. Но как бы много они ни вносили в науку, в биографию Пушкина, все же такое соавторство является недопус-

¹²⁰ Там же. С. 82–83.

тимым в издании, рассчитанном на миллионного читателя. Сложнейшая система: скобки, прямые, круглые, звездочки, цифры, документы под строкой и т.д. — всё это давало кристально ясное представление, в каком виде эти документы извлечены из пушкинского «автографа».¹²¹

Были сняты все эти «леса», все эти детали, и получились невольные философские произведения, которые вызвали перестройку представления о Пушкине, о его биографии. Напомним о «Послании к Раевскому». Получилось три издания посланий к Раевскому, а два длинных послания широко использованы в «Онегине» и др., т. е. это были заготовки, черновые материалы, которыми Пушкин пользовался в течение десяти лет, после того как отказался от замысла написать «Послание к Раевскому».

Таким образом, вольно или невольно, во все издания, которые осуществлялись после академического, <была перенесена> та система, которая была положена в основу этого издания, где подчеркивались дефекты текста и т.д.; <эти издания> заполнены текстами «Полного собрания сочинений» Пушкина, ненаписанными произведениями Пушкина.

Я беру текст, например, Шляпкина, который издал большую серию пушкинских материалов. Так вот, выставляя эти черновые тексты, дописывая эти тексты, он принципиально делал то же самое, что Щеголев. И Щеголев назвал это ненаписанными произведениями Пушкина. Такими ненаписанными произведениями мы заполнили это издание.¹²²

Из выступления Т. Г. Цявловской

Помните «Новые тетради»,¹²³ это — посвящение, очевидно, при посылке «Гавриилиады», законченное произведение

¹²¹ В стенограмме явная ошибка (может быть, оговорка докладчика): «из пушкинского издания».

¹²² Стенограмма обсуждения «Собрания сочинений» А. С. Пушкина 1959–1962 гг. Москва, ГИХЛ. 6 февраля 1963 г. (Моск. гос. музей А. С. Пушкина). С. 5–6. (Машинопись). Под «этим изданием» в последнем предложении имеется в виду обсуждаемое «Собрание сочинений».

¹²³ Стихотворение «Примите новую тетрадь...».

Только потому, что есть зачеркнутые слова, что редактору удалось прочесть здесь некоторое остроумие, товарищи называют <его> соавтором, когда ему удается прочесть Пушкина и понять, что он хотел. Это очень остроумно, я склоняюсь перед блеском этой шутки, но это несправедливо. И, если с этих позиций выносить за пределы законченного произведения те, которые удалось вычитать из черновика, то, по-моему, это совершенно ложный принцип. Вы отнимаете у читателя блистательные вещи по каким-то схоластическим представлениям.

Можно без конца читать и приводить примеры.

<...>

Пушкин не занимался заготовками. Я не предполагала об этом говорить, но по поводу вашего выступления должна сказать следующее.

Юлиан Григорьевич сказал по поводу посланий В. Ф. Раевскому, что это заготовки. Но, товарищи, из-за того, что Пушкин потом, отказавшись от этого произведения, кое-что из него использовал, как же можно говорить, что это заготовки? Это огромный человеческий гуманистический и поэтический акт. Он пишет послание арестованному товарищу в тюрьме. Он не послал его, но сохранил. И это перенесено во второй раздел, потому что там есть скобка и эти зачеркнутые слова. Он зачеркнул, потому что хотел сделать лучше.¹²⁴

Из заключительного слова Ю. Г. Оксмана

Товарищи! Я не собираюсь отвечать на выступление Татьяны Григорьевны, поскольку это было единственное выступление, в котором очень резко осуждались и некоторые принципы издания и отвергались достижения этого издания как определенные вехи в истории изучения и популяризации произведений Пушкина. Но я не могу оставить совершенно без внимания тот горячий, тот пламенный протест, который звучал в выступлении Татьяны Григорьевны, которая выступала

¹²⁴ Стенограмма обсуждения «Собрания сочинений» А. С. Пушкина. С. 35–36.

в роли адвоката Пушкина. Вот, мол, сидят какие-то безответственные, безвкусные люди и хозяйничают в лирике Пушкина.

Не уступлю вам, Татьяна Григорьевна, своей любви к Пушкину. 50 лет я им занимаюсь, 50 лет для меня не было ничего дороже в жизни. Почему вы себе присваиваете монополию этой любви, а мы остальные — равнодушные люди? Это неверно. Ваш темперамент мы знаем и ценим. И более всего странно, что вы являетесь одним из членов коллектива. Без вашей работы, издание было бы гораздо хуже. Ваше участие и в лирике, и в автобиографической прозе — это очень ценный факт в нашей работе. И поэтому особенно тяжело звучало ваше обвинение, бросаемое с такой силой эмоциональности.

<...>

Мы учтем Ваши замечания, но так охаивать несправедливо и неправильно, и тут ни один член коллегии, который участвовал в этом большом и ответственном деле согласиться не может.

Вы выступаете не первый раз. Вы обращались в <Ред>Коллегию с такими же резкими, недвусмысленно грубыми обращениями: «ничего вы не понимаете, я вам Пушкина не уступлю».

Недостаточно четок этот принцип.¹²⁵ Давайте посмотрим.

Вы считаете, что очень многое должно быть перенесено из второго раздела в первый. Вы неправильно говорили о соавторстве. Я много раз вмешивался в тексты Пушкина, давая свои тексты, своё толкование. Я точно такой же соавтор, как и вы. Вы больше сделали, я меньше. Как же я могу оскорблять то, что является гордостью нашего пушкиноведения. Но когда даем это в своих работах, когда даем со всей силой аргументации — это одно, а когда мы даем массовому читателю, то не должно быть этой претенциозности.

Вы очень резко сказали: «Что это за заготовки? Речь идет не о пушкинских текстах». А что здесь плохого? Пушкин писал Раевскому, делал наброски, а потом для четырех своих шедев-

ров использовал эти наброски. Но так оскорбительно отзываться о слове заготовки — это же демагогия.

Остановившись на этих двух темах, с которыми Татьяна Григорьевна не согласна, она, не желая этого, бросает тень на все издание: «как недорабатывают эти холодные люди, не верьте этим идеям, не верьте им» и т.д. Это несправедливые замечания. Если бы это было справедливо — честь Вам и слава. Но это же не произошло, этого же здесь нет. Зачем же так строить своё полемическое выступление?

Это свойственно Вашему темпераменту, но со стороны виднее, что Вы были несправедливы.¹²⁶

¹²⁵ Речь идет о выделении в особый раздел незавершенных стихотворений, извлеченных из черновигов.

¹²⁶ Там же. С. 72–74.